

АНАСТАСИЯ МИЛОСЛАВСКАЯ

The book cover features a fantasy illustration. A man with long, flowing white hair and a serious expression stands behind a woman. He wears a dark blue tunic with a wide, shaggy grey fur collar and a sword at his waist. The woman has long, vibrant red hair and is dressed in a green gown with a white fur collar and intricate gold embroidery. They are positioned in front of a large, dark, jagged mountain or castle structure under a dramatic, colorful sky with shades of purple, blue, and green. The title is written in large, stylized letters at the bottom.

ДРАКОН,
КОТОРЫЙ
ЛЮБИЛ МЕНЯ
ШЕРДАНИЙСКИЕ ГРЁЗЫ

Анастасия Милославская БЫВШИЙ. Дракон, который любил меня

<https://litres.ru/74212853>

Аннотация

Мой бывший жених – князь ледяного Ньёрдмара – прибыл в столицу, чтобы жениться на дочери безумного короля. Когда-то он бросил меня, узнав, что я не могу иметь детей из-за магии. А теперь решил, что может сделать меня, замужнюю женщину, даже не наложницей, а бесправной рабыней.

В тексте:

♥# встреча через время ♥# властный герой ♥# настоящая любовь ♥# драконы ♥# ХЭ.

ОДНОТОМНИК.

Содержание

Глава 1. В которой впереди начинает маячить пасть льва	4
Визуалы	21
Глава 2. В которой пасть льва смыкается	22
Глава 3. В которой тучи сгущаются	38
Глава 4. В которой Ясмин понимает: прошлое может ранить	51
Глава 5. В которой два хищника сталкиваются лбами	61
Глава 6. В которой всё катится в пропасть	79
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Глава 1. В которой впереди начинает маячить пасть льва

Магический шар, парящий посреди детской, наполняет комнату тихой, спокойной музыкой.

– Сказку... Можно сказку? – вопросительно тянет сонная белокурая малышка, засыпающая у меня под боком.

– Конечно, Фелли, – полушепотом, чтобы не нарушить умиротворение этого вечера, говорю я.

Я подхожу к шару, привстаю на цыпочки и касаюсь его кончиками пальцев на пару секунд. Магия слегка искрит в моих руках, перетекая в предмет.

Затем возвращаюсь к кровати и сажусь рядом с Феллоной.

– Когда-то в одном чудесном королевстве жила прекрасная принцесса, и был в неё влюблён принц-дракон... Они познакомились на балу... – начинаю рассказывать я.

Шар постепенно раскручивается. По стенам ползут тени: стайка птиц взлетает в поднебесную высь, превращаясь в принцессу, танцующую с принцем.

Громкий стук набоек военных сапог о паркет заглушает музыку.

– Папочка вернулся? – сонно спрашивает Фелли.

– Да, кошечка, – натягиваю улыбку я, пытаюсь скрыть тревогу.

Я встаю, наспех поправляя растрепавшееся платье и иду к двери. Как раз вовремя – она распахивается. Муж входит в комнату без стука. На красивом, идеальном лице дракона играют тени от лампы. Он в прекрасном расположении духа, но явно не трезв.

– Вы не спите? – будто бы удивляется муж, проводя рукой по тёмным волосам. А затем бросает раздражённый взгляд на шар, который всё ещё крутится посреди детской.

Из коридора слышится весёлый женский смех. Сколько их там сегодня? Две? Три?

Феллона сидит тихо, знает, что в такие моменты папу лучше не трогать.

– Мы проснулись, когда ты вернулся, – отвечаю я, замечая наспех застёгнутую рубашку дракона, едва заправленную в брюки.

Неужели он посмел развлекаться с девицами прямо в карете? Слуги и так уже болтают всякое, теперь и кучер расскажет пару пикантных подробностей из жизни хозяина.

– Это хорошо. Ты должна кое-что завтра сделать, Ясмина, – улыбается кривоватой улыбкой Альрик, но глаза смотрят холодно и цепко, в них мелькает угроза. – Нужно подать королю прошение о моём дополнительном денежном содержании на посту казначея военного ведомства, иначе чем платить по счетам? Твои платья, врачи Фелли, её уроки... Всё это дорого нам обходится, милая.

Его «милая» звучит как издевка. Я до боли стискиваю ку-

лаки, понимая, к чему всё идёт.

Сегодня муж получил жалование и должен был оплатить врача и учителей Феллоны, а та же счета за продукты, жалование слугам... Он даже не в курсе, что за мои наряды в последние полгода платит королева, мне стыдно, но она говорит, что для любимой фрейлины ей не жаль. При дворе никто не должен знать о моих неурядицах.

– Ты был не только в публичном доме, но и в игорной? – холодно спрашиваю я, понижая голос.

Выражение лица дракона тут же меняется, в его зелёных глазах зарождается гнев:

– Где я был тебя не касается, знай своё место и делай, что я говорю.

Страх перед Альриком, перед тем, что он может нам сделать, ползёт противными мурашками по коже. Он гораздо сильнее меня – высокий, почти два метра ростом, сильный, как бык. Думаю, именно это привлекает в нём женщин, помимо красоты. Моя простая бытовая магия такому образчику мужественности не помеха. Но меня настолько достало его поведение, что кажется, последний рубеж уже пройден.

– Думаешь, я стану побираться из-за твоей несдержанности? – выплёвываю я с отвращением. – Мы должны врачу круглую сумму! Ты забыл об этом, спуская всё жалование на игры в карты и шлюх?

Злость разбирает изнутри. Я стараюсь говорить тише, чтобы Фелли не слышала, но наверняка обрывки разговора до-

носятся до малышки.

Дракон склоняется к моему лицу, заслоня собой даже свет. Я не отвожу взгляда. Он не должен понять, что я его сейчас боюсь, иначе станет ещё хуже.

– Вы две паршивые мерзавки, от которых никакого проку, – яростно чеканит Альрик.

Мне хочется поморщиться от запаха спиртного, но сдерживаюсь.

– Подумай хотя бы о своей дочери... – начинаю я.

В запястье больно впивается мужская рука, заставляя меня вскрикнуть от боли.

– Мне плевать на девчонку. Я хотел сына, а не эту вечно больную и хилую замухрышку. Её даже замуж никто не возьмёт, мы не сможем укрепить наш род, породнившись с кем-то статусным. А всё потому что она никчёмна, как и ты!

Он говорит слишком громко. Я на секунду прикрываю глаза, сердце разрывается от боли, потому что я знаю – Фелли слышит каждое слово. И она уже достаточно взрослая – ей семь. Она понимает о чём говорит её отец.

Рука сама отвешивает Альрику звонкую и очень сильную пощёчину. Удар достаточно сильный – звук пощёчины слышен и в коридоре.

Смех шлюх резко умолкает.

Я вижу, как краснота расплывается на золотистой коже мужа. Дурное предчувствие ползёт по венам.

– Ах ты стерва, – Альрик хватает меня за плечи и резко

встрахивает. – Никогда не смей прикасаться ко мне!

У меня перед глазами темнеет, воздух с силой выходит из грудной клетки.

– Ясмин! Ясмин! – Фелли бросается к нам, хватая отца за кончик незаправленной рубашки. – Папочка не трогай Ясмин, прошу тебя!

Он грубо отталкивает малышку, как беспомощного котёнка. Она замирает со слезами на глазах, отчаянно теребя ночнушку.

Я поспешно делаю шаг вбок, закрывая собой девочку. Перед глазами темнеет, в висках стучит пульс.

Ноздри дракона раздуваются от едва сдерживаемого гнева, зрачки становятся узкими, когда он смотрит на меня. Я кусаю губы, но держу голову высоко, хотя отчаянно хочется схватить Фелли и сбежать, но я не позволю ему думать, что он может делать всё, что пожелает.

Я вздрагиваю, когда муж делает шаг вперёд и склоняется ко мне ближе. Я надеюсь, что моё лицо невозмутимо, потому что знаю – страх Альрику приятен, он ещё сильнее раззадорит его.

– Думаешь, я спущу тебе это с рук, Ясмина? Ты будешь наказана.

Я едва не вздрагиваю от злости, вибрирующей в его негромком голосе.

Альрик подмечает это и расплывается в хищной улыбке, пальцами сдвигая мой подбородок:

– Я постараюсь сделать это так, чтобы не испортить красивую мордашку. Считай, что сегодня тебе повезло, что у меня гости. Но завтра...

Муж касается моим губ противным влажным поцелуем. Меня начинает тошнить, от его угроз, от того, что я представляю, где могли быть его губы ещё полчаса назад.

Когда он отстраняется, я демонстративно, не сводя с него взгляда, с силой провожу ладонью по рту, стирая его прикосновение.

Этот жест, непокорность в моём взгляде, нежелание покориться снова приводят дракона в бешенство.

– Будешь вести себя, как злобная сука, отправлю вас обеих в загородное поместье. Будете жить там в своё удовольствие! – цедит он, переводя взгляд на всё ещё дрожащую от страха Феллону.

Он знает, что для Фелли это равнозначно смерти. Ей нужен постоянный врачебный присмотр, иначе приступ может нанести серьёзный вред здоровью.

Я молчу, понимая, что заранее проиграла в этой схватке. Я никогда не позволю, чтобы с малышкой что-то случилось.

– Так что? Сходишь с прошением к старому маразматiku? – снова спрашивает дракон, глядя на меня снисходительным взглядом.

Я киваю, до боли стискивая ткань платья.

– Я не слышу ответа, – кривится он, уже явно насмехаясь и наслаждаясь моментом моего подчинения.

– Схожу, – произношу я, не сдерживая злости в голосе.

Рука мужа поднимается, он нежно ведёт пальцами по моей щеке:

– Ты прелестна...

В следующую секунду ладонь ныряет мне на затылок и хватает за косу, оттягивая голову.

Я пытаюсь вырваться, но безуспешно.

Альрик сокращает последние крохи расстояния между нами, дышит мне в губы:

– Не забывай, что ты лишь бесполезная кукла. Красивая, но пустая. Из-за тебя у меня никогда не будет сына. Ты – проклятье моего рода.

Он отпускает мои волосы, я отшатываюсь, хватаясь за комод. Ноги не держат.

Злые слова достигают цели. Внутри всё сжимается от горечи, кажется, даже дышать становится тяжело.

Мой магический дар – моё проклятье. Я не могу иметь детей из-за него. И именно из-за него я навсегда связана с Альриком – вдовцом. Разводы запрещены для благородных раани Шердании. Я обязана жить с тем, кому отдал меня король.

Дракон разворачивается и выходит, даже не затворяя за собой дверь. Я стою и снова слышу, как начинают хихикать «гостыи», Альрик что-то говорит им, затем, судя по довольному визгу девушек, начинается что-то совсем неприличное.

Феллона подскакивает к двери и закрывает её.

– Не будем мешать папе работать, – бормочет она.

Не знаю сколько ещё будет действовать «сказка», что, когда папа приводит женщин, он с ними работает, потому что не успевает всё сделать днём. Думаю, очень скоро Фелли начнёт понимать, что к чему.

Я протягиваю руки, падчерица бросается ко мне, прижимаясь. Я чувствую, как дрожит маленькое тело, как отчаянно бьётся сердечко.

Леда-заступница! Меня гложет стыд перед малышкой. Если бы я не перечила мужу, может он не сказал бы всех этих гадких слов про неё!

Глажу девочку по спине, но не могу подобрать слов. За то время, что я провела в доме, мы стали с падчерицей как родные.

– Всё из-за того, что я – девочка, – глухо шепчет Фелли, её голосок дрожит. – Он не любит нас из-за этого. Будь я мальчиком, он бы не стал тебя бить.

– Брось, малышка, – я целую её в макушку. – У папы просто слишком много проблем. Эти злые слова не имеют отношения к реальности.

Я лгу, надеясь, что эта ложь во благо. К сожалению, Альрику плевать на дочь, если она исчезнет, он и не заметит. А может и обрадуется, что врач перестанет выставлять счета.

– Если отец узнает, что мои приступы магические, разозлится ещё сильнее, – всхлипывает падчерица.

– Мы расскажем ему позже, Фелли, – ласково говорю я,

внутренне холодея – Когда папа будет в хорошем настроении.

Страшно представить, что сделает Альрик, если узнает о магии малышки. Пока он не знает, несмотря на гневные слова, в нём всё равно есть надежда, что дочь сможет послужить его роду во благо, быть может выздоровев. Но как только всё прояснится... Фелли станет в его глазах такой же, как и я. А может и хуже.

Магия Феллоны проявилась в слишком раннем возрасте – в шесть лет. Это говорит о том, что в будущем её дар может стать невероятно сильным. Но нужно развивать его, попутно сдерживая дорогущими зельями, которые выписывает врач. Благо, Альрик никогда не интересовала, чем именно болеет дочь, вверяя все заботы о ней мне. Будь он чуть повнимательнее, давно заметил бы признаки... Но он редко смотрит на неё дольше нескольких секунд.

– Ну же, давай спать, – я мягко подталкиваю Фелли к кровати. – У тебя завтра урок по верховой езде с утра, нужно хорошо отдохнуть.

Нам удаётся уснуть лишь спустя полчаса. Я проваливаюсь в беспокойную дрему, мне снится, что я куда-то бегу, пытаюсь найти что-то важное. Но не могу вспомнить что именно.

Внезапно я просыпаюсь от вскрика падчерицы и от того, что люстра на потолке начинает ходить ходуном. Кажется, Альрик накануне спровоцировал куда более серьёзный и

острый приступ, чем обычно.

Мельком отмечаю, что за окном уже рассветает. По небу ползёт кроваво-красное марево, прежде я бы залюбовалась, но сейчас это кажется мне дурным предзнаменованием.

Феллону знобит, по ручкам и шее ползут тёмные пятна, то исчезая, то появляясь снова – а это очень плохо, магия требует своего выхода. По комнате снова проходит разряд, я вздрагиваю, когда стакан с водой падает на пол и разбивается, книги ходят на полке ходуном.

Я протягиваю руку и касаюсь влажного горячего лба малышки, она дёргается всем телом и шепчет что-то невнятное.

Зелье, которое дал доктор, в моей комнате этажом выше. Но туда ещё нужно дойти, оставив девочку одну.

Внезапно дверь распаивается, домоправительница Агата забегает внутрь, протягивая мне заветную склянку, её пальцы дрожат, она беспокойно оглядывается.

– Я принесла, раани Адели, возьмите! Скорее! Хозяин идёт сюда!

Моё сердце замирает в диком страхе, я бросаюсь к Агате, выхватываю пузырёк с зельем и скорее бегу к падчерице, едва не спотыкаясь о стоящий у кровати пуф. Когда мне удастся почти раскрутить склянку, дверь снова открывается.

На пороге стоит Альрик – помятый и явно невыспавшийся, его разъярённый взгляд останавливается на нас с Фелли.

Паника захлёстывает меня с головой.

Как назло картина, висящая на стене, не выдерживает магических колебаний и падает вниз с глухим треском.

На лице дракона появляется выражение крайней брезгливости:

– Что это за...?

– Ночью Феллоне стало плохо, я совсем разволновалась, и у меня случился неконтролируемый выброс магии, – оправдываюсь я, загораживая девочку собой.

Я вижу, как раздуваются ноздри дракона от злости.

– Что это у тебя в руке? – кивает он на флакон, который я всё ещё сжимаю пальцами.

Дракон вглядывается в зелье с таким интересом, что у меня холодок бежит по спине.

– Так это от простуды, хозяин, – выручает меня Агата, всплескивая руками. – Совсем кроха наша разболелась!

– Заткнись, карга, – властно обрывает муж домохозяйку, а затем переводит полный отвращения взгляд на меня. – А ты возьми себя в руки в конце-то концов!

Феллону спасает тот факт, что муж совсем не интересовался моими магическими способностями. Он не в курсе, что мои силы весьма ограничены, и я способна лишь зачаровать пару безделушек для развлечения или лёгкого ментального воздействия, вроде успокоения нервов. Но никак не смогла бы устроить в комнате такой погром, который услышал бы весь особняк.

У нас с Агатой одновременно вырывается вздох облегчения, когда дракон выходит из комнаты. Я тут же бросаюсь к Фелли и вливаю ей немного зелья, надеясь, что оно скоро подействует. Беру маленькую ручку в свою и сжимаю, вглядываясь в искажённые мукой черты.

– Чуть не померла от страху-то я, хозяйка, – причитает Агата. – Он едва всё не понял! Как узнает, как пить дать, лишит наследства и сошлёт нашу малышку в монастырь!

– Не сейчас, – устало одёргиваю я домоправительницу.

Совсем не хочется думать о плохом, но время Фелли истекает, врач говорил, что она ещё немного подрастёт и нужно будет нанять ей учителя магии, способного обуздать её сильный дар, и понять в чём именно он состоит. Я даже боюсь представить сколько стоит подобный учитель... И Альрик точно узнает, скрыть уже будет невозможно.

Спустя несколько минут магия внутри падчерицы успокаивается, комната перестаёт ходить ходуном.

– Лучше ей отдохнуть, хозяйка, – говорит Агата, задёргивая плотные шторы. – Да и вам пора собираться во дворец.

Я отпускаю руку малышки и встаю с кровати – времени не так много.

Спускаюсь на первый этаж вместе с домоправительницей и первым делом просматриваю расчётные книги и присланные счета.

– Уж экономим как можем, – оправдывается Агата, приглаживая уже начинающие сесть тёмные волосы. – Но слу-

гам пора заплатить... недовольство растёт.

Я закусываю губу, замечая расходы на лошадей Альрика. Они влетают нам в триста золотых в месяц. А он даже не заходит к ним. Единственная польза – Фелли учится верховой езде. Но наёмная лошадь обошлась бы в разы дешевле.

– Коней нужно продать, – принимаю решение я.

– Хозяин сбесится, раани Адели. – с опаской предупреждает меня Агата. – Вы же знаете, ещё его отец держал конюшню с чистокровными жеребцами Золотой Долины.

Сбесится – не то слово. И в первую очередь виновата во всём буду я, но нужно заплатить долги врачу и подыскать Феллоне учителя магии, ждать больше нельзя.

– Полагаю, отец мужа зарабатывал куда больше, чем Альрик, – поднимаю бровь я.

Домоправительница опускает голову, не желая критиковать хозяина.

Когда я только вошла в этот дом, Альрик был обходителен и нежен. Он признавался мне в любви и говорил, что я лучшее, что случилось с ним в жизни. Что король хоть и редкостный ублюдок, но сделал ему самый дорогой подарок.

Сказка длилась три месяца. Ровно до того момента, пока я не вернулась из гостей раньше обычного и не застала его с новенькой служанкой. И не сказать, что она была довольна тем, что он с ней делал. Тогда я поняла, почему прислуга смотрит на Альрика Адели со страхом.

Мне было двадцать два года. Я не была отчаянно влюб-

лена, но испытывала уважение и тепло к своему мужу. Я искренне верила, что с годами мы полюбим друг друга тем самым чувством, о котором я столько слышала.

Но потом были и другие – от придворных дам до прачек из военного ведомства. Доступные женщины стали постоянными гостями в нашем доме.

И как только я воспротивилась... Альрик запер меня в поместье на два месяца. Вернувшись во дворец к своим обязанностям, я узнала, что «болела» всё это время. Так говорил мой муж. Рассказав королеве правду, я встретила сочувствие и понимание. Но помощи никакой. Тогда я пошла к королю, но лучше бы этого не делала.

Он принял всё так, будто я просто преувеличиваю. Обсмеял меня прямо на глазах двух десятков придворных, поддакивающих своему монарху. А затем велел возвращаться к мужу и подумать о судьбе своего отца, если рискну ослушаться.

С тех пор я стала его «любимицей». Долгие полгода он отпускал шуточки и пошлые намёки в отношении меня. А потом будто бы и забыл о моём существовании. Лишь позже я узнала, что у короля были счёты с отцом Альрика, и таково было наказание семьи, в которую я вошла. Я стала этим наказанием. Род Адели не продолжится, потому что я никогда не смогу подарить наследника моему супругу.

Фелли было пять, когда мы познакомились. Агата пыталась её уберечь... как могла. Но я увидела маленькую зашу-

ганную кроху, потерявшую маму в годик. Она росла, воспитываясь старой полуслепой гувернанткой. Именно на это я списала происходящее с ребёнком, кто же знал, что отцу плевать на дочь?

– Завтракать будете? – спрашивает Агата, вырывая меня из цепкого плена невесёлых мыслей.

Я отрицательно качаю головой:

– Попью чай во дворце. Альрик уже ушёл?

– На рассвете, – поджигает губы домоправительница. – И гости тоже.

– Постараюсь вернуться пораньше. Присмотри за Фелли. Я принесу ещё порцию зелья. И заплати слугам, – я мысленно пересчитываю оставшиеся золотые монеты – должно хватить.

Спустя полчаса я уже выхожу из особняка – карета уже поджидает меня, чтобы доставить во дворец. Погода просто чудесная – ласковое августовское солнце ласкает кожу, на деревьях, которыми засажена достаточно большая часть территории особняка висят наливные плоды. Но я едва замечая это.

Все мои мысли заняты тем, что надо бы сбавить лошадей поскорее, и неплохо было бы сократить расходы на три загородных дома семейства Адели. Они обходятся нам очень дорого.

Забираюсь в карету, когда слуга с поклоном открывает дверь, думая, что сестра мужа сбесится, если я скажу, что урежу её содержание. Наверняка, нажалуется ему.

В карете я достаю маленькое зеркальце и осматриваю себя – мне двадцать четыре, выгляжу и того младше – гладкая кожа, нежные черты лица в обрамлении огненно-рыжих волос, зелёные глаза. Но взгляд... кажется, на меня смотрит женщина, повидавшая все тяготы этой жизни. А ведь я первая фрейлина Её Величества! Многие мечтают оказаться на моём месте... Со стороны должно быть кажется, будто я счастлива до невозможности – красавец муж из благородного древнего рода, чудесная падчерица... Но на деле...

Я шумно захлопываю зеркальце и перевожу взгляд на пейзаж за окном.

Стоунхард – столица Шердании – богатейший город континента. Прекраснейшее место, отравленное роскошью, богатством и вседозволенностью словно изошрённым ядом. Порой и не сразу заметишь симптомы. Но порок притаился здесь на каждом шагу – благородные драконы-мужья, изменяющие жёнам, жёны, пытающиеся забыться в винных парах, дети, с ранних лет знающие, что такое жестокость. И во главе этого всего – Его Величество Элиас Великолепный, Хранитель Золотой Долины. Безумец, обличённый властью. Потомок Золотого Дракона Улидара, создателя миров, великого прядильщика судеб.

Я вздрагиваю, когда карета останавливается у дворца. Что

ж... сегодня мне предстоит выполнить приказ Альрика, иначе он погубит Фелли. Остаётся лишь надеяться на лучшее. Обращаться с просьбами к безумному королю – всё равно, что засунуть голову в пасть озверевшему льву.

Зубы сомкнутся.

И вот тебя нет.

Визуалы

Глава 2. В которой пасть льва смыкается

Дворец встречает меня лёгким чарующим ароматом цветущей вишни. Их деревья повсюду в местных садах. Я едва успеваю войти в комнату фрейлин, как меня тут же хватает под руку Тиана – младшая фрейлина и жуткая болтушка.

– Ясмина-а, – тянет она предвкушающе. – Даже не представляешь, что я только что узнала!

Я улыбаюсь, подыгрывая Тиане:

– И что же?

– Сегодня приезжает жених младшенькой дочери королевы, – многозначительно заявляет младшая фрейлина.

– И что же в этом такого? – уточняю я, глядя в зеркало и оправляя причёску.

Несмотря на жару пришлось надеть платье с длинным рукавом – из-за Альрика остались синяки на запястье и плечах. При дворе всегда нужно выглядеть идеально, и дело совсем не в женском тщеславии. Здесь всегда встречают по одежке. И зачастую провожают... по ней же.

– Это же один из князей... Может быть с Восточных краёв? Говорят, он весьма недурен собой, – Тиана принимается кружиться по комнате, полы её платья взлетают, образуя бутон экзотического яркого цветка красного цвета.

– Нам-то что с того? – никак не могу понять я. – Не твой же он жених в конце-то концов!

– Можно же посмотреть! – дует губы Тиана. – Ты такая нелюбопытная!

– Я всегда думала, что Его Величество скорее заключит договор с соседними государствами, чем отдаст дочь своему вассалу, – хмыкаю я, с долей ехидства.

Но Тиана вряд ли понимает о чём я. Для Элиаса Великолепного его отпрыски лишь средства достижения политических целей. И не только отпрыски.

Я – тоже средство достижения его политических целей. Расширение королевства, контроль присоединенных маленьких государств по типу Сфана. Я едва сдерживаю горькую ухмылку – в моём лице он убил двух зайцев. Усмирил отца и наказал Альрика.

– Говорят, дело в несметном богатстве князя, – полушёпотом говорит Тиана, придавая себе всезнающий вид.

Внезапно дверь распахивается. Королева Мелисанта – высокая брюнетка с уставшим печальным лицом – входит, бросая на нас рассеянный взгляд. Мы тут же приседаем в глубоком реверансе, опуская голову.

– Доброе утро, раани, – здоровается она, проходя к графину и наливая полный стакан воды. – Почему вы здесь, а не со всеми? Опять сплетничала Тиана? Не стыдно?

Её Величество вроде бы говорит серьёзно, но мы уже дав-

но поняли, что ей нравится лёгкость и непринуждённость младшей фрейлины. Во дворце этого часто не хватает в людях.

– Вовсе нет, – ещё ниже приседает Тиана, скрывая улыбку.
– Просто болтали...

Мелисанта залпом выпивает стакан воды, хотя отсутствие манер совсем не в её правилах.

– Чудесный день, – отмечает она скорее механически, пытаясь разбавить тишину, чем действительно наслаждаясь погодой.

– Ваша правда, – со свойственным ей жизнелюбием соглашается младшая фрейлина. – Птички так поют! Получше придворных бардов и менестрелей!

Я бросаю взгляд в окно, потом на Тиану. Младшая фрейлина тут же понимает меня без слов и извиняясь выскальзывает из комнаты, звонко стуча каблучками туфель.

Делаю пару шагов к королеве и застываю рядом с ней, ожидая, пока она заговорит. Время тянется. Я украдкой разглядываю гордый профиль Мелисанты.

В душе я искренне восхищаюсь ей. Она более двадцати пяти лет замужем за тираном, но смогла выстоять. И воспитать троих детей. И ей не позавидуешь – самый опасный дракон Шердании её муж, её король. Тот, кто всегда держит её в поле своего зрения.

Она никогда не говорит о том, какой Элиас Великолепный за закрытыми дверьми их покоев. А я не уверена, что хочу

знать. Мне достаточно того, как он иногда смотрит... будто выпивая всю мою жизненную силу до дна.

– Он даже не сказал мне, – нарушает негромкое пение птиц королева.

Губы Мелисанты плотно сжаты, а ноздри трепещут от едва сдерживаемого гнева.

Я смотрю на Её Величество, ожидая продолжения.

– Он решил отдать замуж Эрни и даже ничего не сказал! Ни мне, ни ей!

Королева часто называет Элиаса «он». Будто бы само его имя ей противно. Будто бы, если произнести его вслух, случится что-то плохое.

– Возможно, решение было внезапным, могло пройти лишь несколько дней, Ваше Величество. – высказываю осторожное предположение я. – Вы же знаете, что он отмеряет время совсем другими мерками, нежели мы с вами.

Королева поворачивается ко мне, её глаза темнеют:

– Он знает уже несколько месяцев! Князь был заранее оповещён и скоро прибудет! Он относится к нам, как к скоту. Наше мнение ничего не значит. Ни моё, ни Эрнеллы.

Я протягиваю руку и мягко касаюсь запястья Мелисанты. Наедине мне позволена такая вольность. В её глазах встают слёзы, но она тут же смаргивает их, борясь со слабостью.

– Вы сказали Эрни? – спрашиваю я.

Мелисанта сглатывает:

– Ещё нет. Но сегодня им предстоит познакомиться.

– Надеюсь, вы не выказывали Его Величеству своего недовольства? – с тревогой спрашиваю я.

Она резко разворачивается и расстёгивает верхние пуговицы платья, ткань сползает, обнажая белую кожу. Две рваные раны-полоски сантиметра три длиной тянутся по ключице к груди, они уже перестали кровоточить.

Я в ужасе прикладываю ладонь ко рту.

– Выказывала, – шепчет она срывающимся голосом.

Дыхание Мелисанты сбивается, она протягивает руки, я обнимаю её, чувствуя, как внутри всё горит огнём ненависти. Почему мир так несправедлив? Почему мужчины могут творить, что захотят? Обличённые властью, напоенные ею допьяна, они считают, что женщины лишь игрушки, которыми можно вертеть, как им будет угодно.

– Нужно обработать, – я отстраняюсь и уже было бросаюсь на выход – к лекарю.

Но королева останавливает меня одним лишь жестом:

– Он не велел. Сказал, это моё наказание за непослушание.

Внутри ворочается огромный ледяной комок страха. Что король сделает со мной, если сотворил такое со своей женой? Выбора у меня нет, жизнь Фелли на кону.

– Мне нужно сегодня попросить у Его Величества аудиенции, – говорю я.

Мелисанта бледнеет, в её глазах отражается ужас.

– Только не сегодня, Ясмина! – выдыхает она. – Подожди

пару дней, пока всё уляжется. Да и зачем тебе?

– Альрик хочет, чтобы ему повысили жалование. Думаю, в военном ведомстве ему отказали, и он решил, что послать меня к королю с прошением – отличная идея.

Мелисанта презрительно поджимает губы – она терпеть не может моего мужа.

– Его счастье, что его ещё не сослали в Солёные земли, иногда мне кажется, что король просто выжидает особого, способного доставить ему истинное удовольствие, случая, – кривится королева. Морщины в уголках её рта теперь видны ещё сильнее. – Откажи ему! Скажи, что не пойдёшь!

– Тогда он отправит Феллону загород – три дня пути на карете. Там нет врачей и учителей. И нам действительно нужны деньги, – печально отвечаю я, вспоминая, что нужно купить зелье для падчерицы. – Я больше не могу продавать украшения без ущерба для своей репутации.

– Если бы я могла помочь...

Элиас держит жену и детей на коротком поводке. Казна полнится золотом, но получить оттуда хоть медяк можно лишь с его одобрения и позволения.

Я понимаю, что муж всё равно будет тратить всё. Даже если чудо случится и Его Величество добавит ему хоть двойное жалованье, вряд ли это спасёт нашу семью. Альрик несдержан в тратах. Особенно в последний год. Раньше хоть как-то удавалось это скрывать, теперь же...

– Наверное, я пойду сейчас, – решаюсь я. – Позже может

приехать иноземный князь и будет не до меня.

– Я проведу тебя и попрошу доложить о тебе, иначе будешь ждать пару часов минимум.

Я с благодарностью киваю.

Мы выходим из комнаты фрейлин, от волнения начинает сосать под ложечкой. Я так ничего не поела утром – было недосуг. В платье становится совсем уж жарко – но я привыкла терпеть. Семь часов на ногах в стягивающем грудь корсете, на высоких каблуках в зале, где почти нечем дышать – привычная дворцовая практика. А бывает после этого ещё приходится танцевать по несколько часов кряду.

Мы узнаём, что Его Величество всё ещё совершает прогулку по королевскому саду. Там он любит успокаивать нервы, как он выражается.

– Доложите, что раани Адели просит у Его Величества аудиенции, – приказывает королева стражам.

Будь я здесь одна, точно бы долго ждала. И не факт, что был бы какой-то результат. Я с беспокойством заглядываю за спины оставшимся стражам, не видно ли там безумного короля? Но нет. Ничего не нарушает умиротворённость и спокойствие природы.

Мы стоим какое-то время, ожидание кажется безумно долгим, с каждой минутой становится всё страшнее и волнительнее. А если он, повинувшись плохому настроению причинит и мне вред? А если убьёт? Что будет тогда с Фелли?

Я уже начинаю подозревать, что Его Величество вовсе не

на прогулке после завтрака, мне начинает думаться, что он уже занялся государственными делами. Но нет.

– Его Величество Элиас Великолепный ожидает вас, рани Адели, – сообщает нам страж, приблизившись.

Я сглатываю вставший в горле ком. Королева украдкой сжимает мою руку, прежде чем я делаю шаг вперёд.

Мы идём по саду, страж следует за мной. То ли для того, чтобы я не потерялась, то ли чтобы не натворила чего-нибудь, что может не понравится безумному королю.

Таким «титолом» Элиаса наградили простые люди, но и придворные зовут между собой украдкой монарха именно так. Сам себя он прозвал великолепным, что мало вяжется с реальностью. Жестокость на грани садизма, постоянные смены настроения, чрезмерное властолюбие... всё это удивительным образом сочетается с хитростью и недюжинным умом.

Элиас одержим двумя вещами – собой любимым и королевством. Иногда мне кажется, что он едва ли разделяет эти два понятия. словно в его груди бьётся прогнившее сердце Шердании.

Тук-тук.

Как только он отойдёт в мир иной, Шердания последует за ним. Наверняка так он и думает.

Здесь повсюду вишнёвые деревья, они не плодоносят – лишь цветут круглый год. Потому что именно так нравится

безумному королю. Мы подходим к белой мраморной беседке. Элиас сидит спиной – широкие плечи, почти седые волосы и корона. Иногда мне кажется, она приросла к его голове.

Страж останавливается перед входом в беседку, я делаю глубокий вдох, чувствуя, как корсет стягивает рёбра, и вхожу внутрь. От жары становится совсем душно, хочется пить, но я не рискну попросить воды.

Останавливаюсь перед Его Величеством и делаю самый глубокий реверанс, на который способна. Я не смотрю в передёрнутые мутной дымкой, голубые глаза безумного короля. Мой взгляд буравит траву под его ногами. Сердце отчаянно колотится о рёбра.

Я замечаю две острые колючки в крови. Они лежат в полуметре от ног короля. Неужели именно ими он пытал Мелисанту? Прямо здесь?

– Жасмина, – в его голосе будто бы ухмылка, но удостовериться я не могу, лучше не поднимать голову.

Как моё имя только не коверкают шерданийцы – Ясмина, Ясемина, Жасмин. Но Жасмина зовёт меня именно он, словно бы выделяясь из всех. И я уверена – делает это специально. Король никогда не забывал о моём существовании, как бы я не надеялась.

Я нахожу в себе силы на витиеватое приветствие, соответствующее случаю:

– Доброе утро, Ваше Величество. Да спрядёт вам Золотой

Дракон Улидар путь, устеленный радостью и благодатью, да ниспошлёт вам великий дракон силы беречь и охранять наше королевство, доколи мир существует, а живые существа, населяющие его, дышат.

– Встань, Жасмина, – повелительно говорит Элиас. – У тебя ко мне какое-то дело?

Я распрямляюсь и всё же поднимаю глаза. Облизывающий меня с головы до ног, хищный звериный взгляд безумного короля говорит о дурном – он настроен на развлечения. И игрушкой стану я.

– Я пришла просить вас о милости, – пересохшими губами говорю я, держа спину ровно, а подбородок высоко. – Мой муж, казначей военного ведомства, получает низкое жалование. Его недостаточно, чтобы содержать нашу семью.

Жалование фрейлины даже упоминать не стоит, это совсем мелочи. Быть фрейлиной королевы – это скорее о престиже и статусности, нежели о богатстве.

– Так почему же он не пришёл сам? – прищуривает свои мутные змеиные глаза драконий король. – Неужели такой красивой женщине пристало унижаться из-за супруга?

Глаза Элиаса останавливаются в вырезе моего платья. То ли от голода, то ли от страха меня начинает мутить.

О нет. Я не интересую его как женщина.

Но он любит пугать. Может быть, даже сделает что-нибудь со мной, ни сколько из желания, сколько для того, чтобы насладиться моим страхом и унижением.

Я натягиваю милую улыбку:

– Вы же знаете Альрика, Ваше Величество. Он совсем не думает о доме и каких-то бытовых вещах.

– Так же туп, как и его отец, – выплёвывает Элиас, явно приходя в ярость.

Раана Адели – отца Альрика – казнили около двадцати лет назад путём четвертования на центральной площади. Уж не знаю, чем он насолил Его Величеству. Но могу предположить, что мог просто посмотреть на него с недостаточным почтением в неподходящий момент. Этого могло быть достаточно.

Голубые глаза скользят по мне уже с явной неприязнью. Я хочу опустить взгляд, но сдерживаюсь.

– Ну а ты, девочка? Счастлива, довольна жизнью в Стоунхарде? На побрякушки что ли не хватает? – криво ухмыляется Элиас.

Я уже успела немного выучить оттенки его настроения. По рассказам королевы и по собственному опыту. Нужно немного сбавить градус злости, иначе я пропала. Мысли лихорадочно мечутся.

– Феллона часто болеет, Ваше Величество, – мои губы дрожат, и я не скрываю этого, надеясь, что он примет это за волнение о малышке.

– У вас дети? – хмурится безумный король, сплёвывая на землю, а затем ехидно добавляет. – Ты же не можешь понести. Или что-то изменилось?

Он откровенно насмехается. Отлично ведь знает, что у Альрика после смерти первой жены осталась лишь дочь. В таких ситуациях остаётся лишь подыгрывать ему.

– Это моя падчерица, – отвечаю я.

– Да-а, – протяжно говорит Элиас. – Сыновей-то у рода Адели больше нет. И даже если он возьмёт наложницу, и та родит, наследовать пацан не сможет.

Довольство и почти детская радость в тоне короля слегка расслабляют меня. Может ещё можно что-то придумать? Я не могу подвести Фелли.

– Ты так и не ответила, сфанийка. Как тебе живётся в Стоунхарде? Шердания стала твоим новым домом? – Элиас скидывает подбородок, надменно усмехаясь мне в лицо.

Он любит задавать этот вопрос. И любит слушать мой ответ.

– Всё чудесно, Ваше Величество, – я склоняю голову в поклоне. – Стоунхард лучший город континента, недаром его зовут Золотой Долиной.

– Его зовут Золотой Долиной из-за золотых копей, дурья башка, а не из-за ваших возвышенных представлений о жизни, – отвечает Элиас сварливо, но нотки удовлетворения всё-таки проскальзывают в его голосе.

Внезапно безумный король наклоняется вперёд и хватается меня за запястье. Цепкая, сильная хватка – не вырваться. Он дёргает меня на себя, мы оказываемся буквально нос к носу. Только он сидит, а я стою, но король настолько огромный,

что мне даже не нужно наклонять голову, чтобы видеть его вспыхнувшие предвкушением глаза.

От него пахнет старостью и чем-то пряным. Губы короля растягиваются в улыбке.

– Не надо, – шепчу я, мотая головой.

Внезапно руку пронзает жгучая боль.

– Не вздумай орать, птиц распугаешь, – медленно и с расстановкой говорит Элиас.

Я опускаю глаза и сквозь пелену слёз вижу, как моя рука высыхает, покрывается старческими пятнами, морщинами, ногти желтеют.

Жжёт так сильно, что перед глазами темнеет. Я хватаю ртом воздух, на секунду поднимаю взгляд и наталкиваюсь на внимательный, изучающий интерес. Восторг дрожит в змеиных зрачках Элиаса Великолепного. Драконьего короля Шердании.

Я терплю дикую боль, закусываю губу до крови, чтобы не закричать, по подбородку начинает течь кровь. Зрачок безумного короля расширяется, он поднимает вторую руку, пальцем стирает красные капли, а затем слизывает их с явным наслаждением.

Меня кидает в дрожь, я смотрю, как вокруг нас вянут деревья. Как опадают листья на землю. Запах цветков вишни заменяют гниль и тлен. Кажется, смерть идёт своей чёрной поступью где-то рядом.

Такова магия королевского рода. Рождённые драконами

имеют власть над жизненной силой природы – дар Золотого Дракона Улидара его прямым потомкам. А все мы – часть этой природы. И вот моя жизнь замерла на кончиках пальцев Его Величества.

Безумный король отпускает моё запястье так же внезапно, как и схватил. Я отшатываюсь, хватаясь за мраморную колонну беседки, меня трясёт от рыданий. Я смотрю на изувеченную руку и хочется выть.

Элиас заходится в кашле, его сгибает пополам. Он прикладывает платок ко рту, а затем убирает. Я успеваю увидеть сгустки крови на белой ткани. Ярость переполняет меня до краёв, я едва сдерживаюсь, чтобы не наброситься на урода с кулаками.

Руку начинает покалывать, я вижу, что она снова становится нормальной. Не в силах стоять, я оседаю на пол, давясь слезами.

– Знаешь, мы ведь в чём-то похожи, – говорит король хрипло и с отдышкой, глядя на распростёртую на земле меня сверху вниз. – Говорят, что в вас сфанийцах есть капля крови Драконицы Леды жены Улидара. Что будь у драконов истинные, как в стародавние времена, вы были бы непревзойдёнными магами.

Проходит, кажется, минута прежде чем я нахожусь с ответом:

– Моя магия слаба, Ваше Величество, – хриплю я. – От неё почти никакого проку.

– Знаю, Жасмина. Поднимайся на ноги и проваливай отсюда. Никаких поблажек Альрик не получит, так ему и передай, – с полной злорадства улыбкой говорит безумный король. – И когда будешь писать отцу, передавай от меня привет.

Я шатаюсь поднимаюсь на ноги, руку всё ещё жжёт огнём. Но просить дважды меня не нужно. Всё что я хочу – быть подальше от Элиаса Великолепного, пока он окончательно не превратил меня в столетнюю старуху.

Выбегаю из беседки на негнущихся на ногах. Лишь через десять метров, за поворотом, скрывающим меня от взора безумного короля, я позволяю себе идти медленнее, падаю на ближайшую мраморную лавочку и даю волю слезам.

Леда-заступница! Он едва не убил меня!

Рука плохо сгибается и разгибается. Я трогаю пальцы, всё ещё не веря, что удалось уйти относительно невредимой. Но требование Альрика... Что же теперь делать?

Если даже я взбунтую, откажусь ехать в загородный дом, он отошлёт только падчерицу, или заставит и меня? Муж – глава семьи. Несмотря на моё высокое положение при дворе, я буду вынуждена подчиниться. Второй раз просить о чём-то Элиаса я не решусь, тем более о защите. Думаю, ему даже будет приятен наш скандал.

Я уже представляю, как подробности будут смаковать при дворе... И моя свекровь наверняка подкинет дров в этот костёр всеобщего порицания. Она и так любит распускать слу-

хи, что я никудышняя и бесполезная жена, думающая только о нарядах и драгоценностях. По её мнению, это я ввожу их семью в бедственное положение, связанное с бесконечными долгами, и из-за меня она не может позволить себе курорты и дорогие платья, как у её подруг при дворе.

Я встаю с лавки, понуро опустив голову, вытирая слезы – свидетельство моего бессилия. Нужно что-то придумать.

Глава 3. В которой тучи сгущаются

Иду по каменной дорожке, направляясь на выход из королевского сада. На что я вообще рассчитывала? Поймать хорошее настроение Элиаса всё равно что ждать дождя в знойный летний день.

Я разглядываю камни на садовой дорожке. Как мне теперь убедить Альрика, что нельзя отсылать Фелли в загородный дом?

Внезапно что-то закрывает солнечный свет, становится темнее и будто бы холоднее. Я натыкаюсь взглядом на сапоги огромного размера, веду взглядом выше по брюкам незнакомца из тёплой ткани, он явно неместный, как ему не жарко?

Но когда останавливаюсь на таких знакомых синих глазах, внутри будто что-то надламывается. Этот взгляд проникает прямо в душу.

Райенгар. Я вытаскиваю до боли знакомое имя из самых дальних уголков своей памяти. В то место я не заглядывала уже давно. Слишком болезненно. Слишком режет по живому.

– Ясмин, – его голос стал глубже, грубее. – Рад тебя видеть.

Мой бывший жених будто бы даже не удивлён, что мы встретились в Стоунхарде. Я знаю, что отец Райенгара умер,

теперь он князь Ньёрдмара. Хочу спросить зачем он здесь, но внезапно понимаю – передо мной жених Эрнеллы. Я была слишком занята своими заботами, чтобы хоть немного сопоставить факты.

Боги! Что за насмешка судьбы?

– Доброго вам утра, князь Лонхейм, – ровным голосом отвечаю я, приседая в запоздалом реверансе. – Надеюсь, путь до Стоунхарда был лёгким.

Нужно оторваться от его глаз, перестать так нагло рассматривать слегка изменившееся с годами черты лица Райенгара, но я не могу. Это неприлично, но я не свожу с бывшего жениха взгляда.

– Путь был лёгким и быстрым, – его чётко очерченных губ касается лёгкая улыбка, князь и сам оглядывает меня с головы до ног.

А затем склоняется, целуя мою руку. Это длится долго, гораздо дольше того, что позволяют приличия. Тем более при королевском дворе, где нас могут увидеть.

Но я не могу остановить его. Меня словно прошивает насквозь и прибывает прямо к этой каменной дорожке посреди сада безумного короля. Столько эмоций бурлит внутри, что даже тяжело сделать вдох.

Райенгар поднимает голову, всё ещё держа мою руку в своей. Так же, как он делал раньше, когда мы были предназначены друг другу.

– Ты стала ещё прекраснее, Ясмин, – произносит он.

Его слова обескураживают.

Я уже и забыла каковы ньёрдмарцы. Прямые и жесткие. При дворе я привыкла к интригам, искренность здесь не в чести. Но Райенгар другой...

Я мягко высвобождаю свою ладонь. Кожа пылает от его прикосновения.

– Благодарю вас, – отвечаю я, стараясь, чтобы мой надтреснутый голос звучал естественно.

Наверное, нужно спросить, как у него дела, улыбнуться, вспомнить что-то из нашего прошлого. Но в голове пустота.

К счастью, Райенгар не продолжает нашу беседу.

– Удачного вам дня, раани Рейно, – он слегка кланяется мне, хотя не должен. Он теперь князь, правитель. А я всего лишь фрейлина.

Всего секунда, и мой бывший возлюбленный обходит меня и идёт куда направлялся.

– Раани Адели, – шепчу я в пустоту.

Теперь я замужняя женщина, а не его наречённая. Я уверена, что он знает, но нарочно назвал меня фамилией отца.

Я иду вперёд, но не выдерживаю и оборачиваюсь. Как раз чтобы увидеть, как огромная фигура князя скрывается за поворотом. Райенгар всегда был красив, а сейчас стал ещё мужественнее и привлекательнее. Золотые волосы блестят в лучах шерданийского солнца, а плечи, кажется, стали ещё шире. Я одёргиваю себя. Её высочеству принцессе Эрнелле повезло. Он будет достойным мужем.

Я замираю, встаю на цыпочки и срываю с дерева самое красивое красное яблоко – одно из немногих в саду, полном цветущих вишнёвых деревьев. Вытираю ладонью и надкусываю – попадаетесь червивое.

Когда-то Рай бросил меня, и я возненавидела его так сильно, что едва не сошла с ума. Но с годами это прошло.

Я поняла и приняла его выбор – никому не нужна бракованная жена, неспособная дать сына. А уж тем более князю Ньёрдмара, который остро нуждается в наследнике. Но сейчас забытая обида снова свербит внутри. Я ведь правда любила его. Любила с четырнадцати лет, когда мы впервые увидели друг друга во дворце моего отца в Сфане. Любила, когда он впервые поцеловал меня – бабушка вышла на несколько минут, оставив нас вдвоём.

Бросаю червивое яблоко в траву, забытое чувство горечи и разочарования снова убивает меня, вопреки здравому смыслу. Я любила Райенгара, даже когда он сказал, что мне нет больше места в его жизни. С тех пор мы не виделись.

Моя магия проявилась в восемнадцать. Тогда же я поняла – теперь всё изменится. Так и произошло.

Потом были битвы с сумеречными демонами. В этом не было ничего особенного, как бы ужасно это не звучало. Мы с сестрой и братом выросли, зная, что сумеречные всегда под боком. Но в этот раз отсутствие драконов сыграло злую шутку с моей родиной – отцу пришлось заключить союз с Шерданием. А это значит, отдаться в цепкие драконьи лапы Элиаса

Великолепного, который только и ждал капитуляции ослабевшего соседа.

Из ярла отец превратился в одного из наместников безумного короля. А мы – трое его детей – стали пешками в руках Элиаса Великолепного. Способом для удержания отца от необдуманных поступков. А я даже послужила в качестве мести неугодной королю семье. Должно быть, Его Величество доволен собой. Играть чужими жизнями его любимое развлечение.

Элиас... Я оборачиваюсь, хмурия брови. Ведь Райенгар пошёл к безумному королю, а тот явно в плохом настроении.

Боги!

Почему я волнуюсь за того, кого не видела долгих шесть лет? За того, кто отвернулся меня и отверг? Выдержка – то, чего мне всегда было не занимать. Но в последнее время будто бы всё в жизни даёт трещину. Нервы не выдерживают.

Я решительно иду обратно, хотя знаю, что, если Его Величество меня увидит снова – беды не миновать. В последний момент сворачиваю с дорожки, и как преступница крадусь среди деревьев и кустов.

Спустя минуту я застываю, когда вижу в паре десятков метров очертания беседки. Его Величество по-прежнему сидит на том же самом месте. Райенгару он позволил сесть рядом с собой, в отличие от меня – мне было дозволено лишь рухнуть у его ног изломанной куклой.

Я стою, почти полностью скрытая деревьями, Элиаса ед-

ва вижу, но вот профиль бывшего жениха передо мной как на ладони. Кажется, он улыбается, даже смеётся. Безумный король явно настроен к будущему родственнику куда дружественнее, чем ко мне.

Я прикладываю разгорячённый лоб к стволу вишнёвого дерева. Что я вообще здесь делаю? Разве пристало старшей фрейлине подглядывать за королём и его гостем? Что на меня нашло? Вспомнила юность и захотелось приключений?

Взгляд снова против воли возвращается к ньёрдмарцу.

Злая штука жизнь – ведь вскоре после разрыва нашей помолвки в Ньёрдмаре случилось чудо. Дракон проснулся в Райенгаре, сыне князя. Единственный дракон на весь ледяной край.

Уже много столетий, с тех пор как у драконов пропали истинные, они медленно вырождаются, как раса. Во мне тоже течёт драконья кровь – мои предки были ящерами. Но в нашей семье давно не рождалось мужчины-дракона. Про женщин я вообще молчу, дракониц никто не видел на континенте уже лет двести.

Не проявись моя магия, мы бы с Райенгаром поженились, и его дракон смог бы защитить Сфан? И нам не пришлось бы преклонять голову перед Элиасом Великолепным? Но... всё повернулось иначе.

И теперь я здесь, на своём месте. Старшая фрейлина и жена Альрика.

И Райенгар... Единственный ледяной дракон во всей

Шердании. Вскоре он войдёт в королевскую семью.

Внезапно я замечаю, что бывший жених смотрит прямо на меня, в его глазах пляшут смешинки. Я отпускаю дерево и подаюсь назад – под защиту кустов. Ну вот! Это надо было так подставиться. Поворачиваюсь и иду обратно, зло отодвигая, бьющие по плечам ветки. Теперь подумает, будто я подглядывала, как в детстве.

Выйдя на дорожку, я бросаюсь скорее на выход из сада. С некоторой долей волнения прохожу мимо стражей – они всегда неподалёку. Слишком многие желают смерти шерданийскому королю, и не без оснований. На меня не обращают внимание, видимо, даже они привыкли, что я всегда подле королевы, всегда близка к правящей чете.

Я иду в зал, где обычно в это время фрейлины развлекают королеву сплетнями, музицированием, и самое любимое – чтением вслух памфлетов о Элиасе. Простолюдины часто сочиняют что-то и разбрасывают листовки на улицах Стоунхарда. Во дворце запрещены подобные листовки, но... королева их просто обожает.

Но в зале нахожу лишь девушек, которые стройным хором здороваются со мной и приседают в реверансе. После королевы и её дочери, я самая влиятельная раани в нашем чисто женском сообществе.

– Её Величество занялась важными делами в своём кабинете, – тут же докладывает мне Тиана. – Она просила тебя зайти к Её Высочеству принцессе Эрнелле.

Я глубоко вдыхаю, чувствуя, как корсет стягивает грудь. Наверняка, Мелисанта пишет своим тётушкам и прочим дальним родственникам о скорой свадьбе. Интересно, дата уже известна? Наверняка, всё будет проходить при дворе и мне придётся не только смотреть на это безумие, но и принимать непосредственное участие.

Я киваю Тиане и направляюсь в южную башню – там покои Эрнеллы. Но докладывают, что принцесса ушла спозаранку в дурном настроении и до сих пор не появилась. Я даже не удивлена... Узнать, что отец задумал выдать тебя замуж меньше чем за сутки до приезда жениха – это даже для принцессы слишком.

Обычно, если молодых людей не обручают с детства, проходит не менее полугода со знакомства, прежде чем хотя бы просто окончательно принимают решение и назначают дату церемонии. Не то чтобы кто-то сильно беспокоился о чувствах молодых – аристократии это чуждо. Но нужно взвесить все за и против, и, что уж тут скрывать, быть может присмотреть более выгодную партию. Но что-то Элиас поторопился... интересно, почему?

Я прихожу в то единственное место, где может быть сейчас Её Высочество и не ошибаюсь.

На огромнейшем заднем дворе замка есть закуток, куда вряд ли забредёт прислуга или случайный гость. Небольшая постройка огибает яму под открытым небом, проросшую жухлой травой.

Я поднимаюсь по стёртым от времени ступеням. Слышу характерный звон – в воздухе поёт сталь. Делаю несколько шагов вперёд и натыкаюсь взглядом на исполинского размера мужчину с длинным золотыми волосами и миниатюрную черноволосую девушку, кружащихся друг напротив друга с мечами наголо.

Принцесса издаёт боевой клич и нападает на Дэмиана, он ускользает с ловкостью, которой не ждёшь от такой горы мышц, и ныряет в бок. Но не тут-то было. Эрни уворачивается и срезает острым клинком пуговицу на простой рубашке сына советника, а затем изворачиваясь приставляет меч к его горлу, довольно улыбаясь.

Её высочество не изнеженная принцесса. Эрни – дочь своего отца. Её сложно назвать покорной или милой. Всё в ней – острые углы, о которые то и гляди порежешься. И, пожалуй, она единственная кого Элиас действительно любит. Даже больше, чем сына. В той мере, в которой он способен на любовь в принципе.

Я вижу, как принцесса опускает меч, а Дэмиан обхватывает её талию и притягивает к себе. Они вот-вот поцелуются...

Я громко кашляю и начинаю спускаться в яму, нарочито громко стуча каблуками туфель.

Эрнелла неспеша отстраняется от своего возлюбленного, за что я делаю ей мысленный выговор. А если бы это была не я? Жизни Эрни вряд ли бы что-то угрожало, но вот Дэмиану... Безумный король лично бы отрезал ему голову.

Я подхожу к голубкам ближе и приседаю в реверансе.

На лице сына советника застывает недовольная маска. Ещё бы! Посмела заявиться в их гнёздышко и прервать их.

— Раани Адели, — Дэмиан берёт мою руку в свою огромную лапу и оставляет на ней быстрый поцелуй, а затем добавляет, бросая на принцессу выразительный взгляд: — Мне уже пора.

Я жду, пока блондинистый качок отойдёт, прежде чем подойти ближе к Эрнелле.

— Ваше высочество... — осуждающе начинаю я.

— О, брось, Ясмина, — отмахивается принцесса, вкладывая меч в ножны. — Я помню — быть осторожнее. Да-да! Но здесь бываете только ты, да матушка.

Эрни очень похожа на мою младшую сестру. Такая же яркая и эмоциональная. С диким огнём в глазах. Может поэтому я сразу её полюбила, мы с лёгкостью находим общий язык почти во всех вопросах... За исключением этого тупого качка Дэмиана.

— Я хотела узнать, как вы, Ваше Высочество? — я всматриваюсь в лицо принцессы, которое при моих словах тут же искажается яростной гримасой.

Она хватает спрятанный в ножны меч и со всей силы швыряет его в стенд с оружием.

— Да пошёл он! — вскрикивает она, имея в виду, очевидно, своего отца. — Проклятый старый осёл! Вздумал за счёт меня подпитать свои политические амбиции?

Я сцепляю руки в замок. Боги! Как же мне знакомо это чувство безысходности. Я не желаю Эрни такой судьбы...

Принцесса разворачивается ко мне, на её лице застывает злая улыбка.

– Знаешь, я ведь хотела отдаться ему сегодня, – она кивает в ту сторону, куда ушёл сын советника. – Вот был бы номер! Но потом решила, что нет! В моей жизни всё произойдёт по моей воле! Только по моей! Ни прямо, ни косвенно отец ни повлияет на неё.

Я отлично понимаю её. Потому что тоже была на месте Эрнеллы. Меня тоже отдали чужим людям, в чужую страну. Отец не мог изменить это, потому что все мы с детства знаем – долг прежде всего. Можно сколько угодно впадать в ярость и противиться... Потом всё равно придётся подчиниться. Иначе заставят. Сломают. Будет только хуже, но ты сделаешь то, что должно.

– Проклятый старый маразматик! – продолжает принцесса, пиная лежащий под ногами камень.

Я вижу, как в её глазах сверкают слёзы.

Она срывается и начинает рыдать, бросаясь мне на шею. Моё сердце разрывается с каждым её всхлипом и стоном. Всё, что с ней происходит я зеркалю на себя. Сама не понимаю, что со мной. Должно быть, Райенгар разбередил старые раны.

Я глажу Эрнеллу по спине и растрепавшимся волосам:

– Князь Лонхейм не так уж и плох. Я немного знакома с

ним, да и слухи ходят. Он честный и справедливый, заботится о своём крае и о людях, что там живут. Его дракон силён. Сам он хорош собой.

Говорю это, а сама едва не закатываю глаза. Даже не верится, что я нахваливаю своего бывшего, но... я ни в чём не солгала. Он безупречен во всём. До такой степени, что аж противно. Ведь только в отношении меня он показал себя не с самой лучшей стороны.

Эрни отстраняется, её губы дрожат, когда она произносит, заглядывая мне в глаза:

– Я не выйду за этого северного варвара! Будь он хоть трижды красив и по-ледяному драконист!

Я достаю платок и протягиваю его принцессе, она с благодарностью принимает его и начинает вытирать лицо.

– Дэмиан – вот кого я люблю, – упрямо шепчет она, шмыгая носом.

– Брак и любовь не всегда идут рука об руку, – я подставляю принцессе локоть, она хватается за него, и мы направляемся на выход. – Вы можете отказать отцу, даже сбежать...

Глаза Эрнеллы сверкают при моих словах о побеге. Конечно, она думает об этом. Наверняка, даже предложила своему возлюбленному. И наверняка он сказал, что нужно всё обдумать... Потому что он не решится. Кто в здравом уме пойдёт против воли Элиаса? Лишь тот, кто хочет проститься с жизнью.

– ... но вы знаете, Ваше Высочество, что отец всегда най-

дёт вас. Но у вас есть преимущество – вы его любимица. И знаете его слабости. Он везде ищет выгоду для себя и короны. Нужно просто дать ему что-то более выгодное и интересное, чем ваш брак с князем. Например, неплохо бы выяснить, что Его Величеству нужно от ледяного дракона. А потом уже плясать от этого...

Глаза Эрни прищуриваются, а затем она хитро улыбается:
– Ты, как всегда, права, Ясмина! Сам золотой дракон Улидар послал нам тебя, клянусь! Он сплёл наши нити жизни не просто так! Умнее тебя я не встречала женщины!

Я похлопываю Её Высочество по руке, улыбаясь в ответ:
– Вы справитесь, иначе и быть не может.

Затем перевожу взгляд на тучи, начинающие сгущаться над Стоунхардом. Непривычно для летнего дня... Мы, конечно, не на юге, но всё равно странно.

Когда мы прощаемся с Эрнеллой, я направляюсь к королевскому лекарю. Нужно заплатить долги и купить новую порцию зелья для Фелли.

Глава 4. В которой Ясмин понимает: прошлое может ранить

Лавка, мини-лаборатория и приёмная у врача вне замка, на прилегающей с северной стороны территории. Его уголок окружён садом, где выращивают лекарственные растения. Здесь даже есть и небольшой пруд с квакающими там лягушками, плавающими меж розоватых цветков лотоса.

Я открываю дверь, потянув за гладкую, отполированную уже многими ладонями деревянную ручку. В лавке пахнет травами и чем-то неприятно острым. Меня снова начинает тошнить. Нужно было съесть что-то помимо кусочка яблока, оказавшегося червивым.

К моему сожалению, сегодня выходной у девушки, которая обычно здесь работает, за прилавком я вижу жену врача – Мадлен. Это плотная, высокая женщина лет пятидесяти с вечно покрасневшими щеками.

Она меня терпеть не может, потому что считает, что я часто навещаю её мужа под различными предлогами, потому что заигрываю с ним. С шестидесятилетним мужчиной! А всё из-за того, что он даёт мне в долг. А её это бесит. Бедняга просто жалеет меня и Фелли, он знает об Альрике не понаслышке.

– Раани Адели, – Мадлен поджимает губы, едва достаив-

вая меня взглядом. – Никак долг принесли?

Язва в её тоне прямо-таки очевидна.

– Принесла, – улыбаюсь я, пытаюсь выглядеть учливой. Внутри начинает закипать раздражение.

Кладу на покрытую лаком стойку монеты, приготовленные заранее. Размашистая ладонь сгребает золото. Мадлен скрупулезно всё пересчитывает, а затем довольно хмыкнув отсыпает всё в передник, натянутый поверх дорого платья. Он уже довольно прилично оттягивается вниз под тяжестью денег – должно быть торговля идёт бойко.

Не скажу, что лекарь и его семья нуждаются. Золота у них в избытке – король хорошо платит ему и ценит. Но Мадлен всё равно бесится из-за того, что её муж идёт мне навстречу, а я ведь всегда всё возвращаю не позднее назначенного срока!

– Что-то ещё, раани Адели? – чуть более дружелюбно, но всё-таки не без толики яда спрашивает лекарская жена.

За моей спиной звенит колокольчик – вошёл ещё один посетитель.

– Ваш муж должен был оставить зелье для моей падчерицы, – напоминаю я, хотя знаю, что Мадлен должна быть в курсе.

Боги! Он же не забыл?

Мадлен задумчиво жуёт губу.

За моей спиной шагов не слышно, это кажется странным, но я сосредоточена на жене лекаря.

– Думаю, да... он оставлял, – тянет наконец она, склоняясь под прилавок и доставая заветный пузырёк.

Я отсчитываю нужную сумму и снова кладу на прилавок. Мадлен тянет руку к золоту, но тут внезапно убирает её и на губах женщины расцветает ехидная улыбочка.

– Только оно подорожало, раани Адели, – почти нараспев говорит эта хитрая лисица. – Ещё десять золотых!

Вот же проклятая лавочница! Она же специально!

Я понимаю, что столько у меня просто нет.

Именно в этот момент странное ощущение заставляет меня обернуться. Я вижу Райенгара в паре десятков сантиметров от себя. Что он себе позволяет? Как можно подходить к замужней женщине так близко, буквально дыша ей в затылок, или... обнюхивая?! Я отшатываюсь, чувствуя, как щёки заливают стыдом. Сердце на секунду останавливается, а затем срывается бешеным маршем, тараня рёбра.

Я оборачиваюсь к Мадлен, которая ждёт деньги, постукивая ногтем по лакированному дереву.

Нет. Она не ждёт деньги. Она видела мой кошель и знает, что у меня столько просто нет такой суммы. Эта стерва хочет унижить старшую фрейлину королевы перед посетителем! И наверняка находит происходящее весьма забавным.

– Я так понимаю, денег у вас нет, как обычно, – цедит насмешливо торговка. – Очень жаль!

Я чувствую, что краснеют не только щёки. Я буквально

превращаюсь в перезревший на солнце помидор.

Присутствие ледяного дракона окончательно путает мне мысли. Я ни о чём думать не могу, зная, что он стоит позади. Он смотрит! Я чувствую на себе его изучающий жаркий взгляд.

Леда-драконица, защити меня! Какой стыд! Часто дышу, протягиваю руку и сгребая только что положенное мною золото обратно в кошель.

– Я... зайду позже, – выдавливаю я.

Затем оборачиваюсь, проскальзываю мимо князя и быстрым шагом выхожу на улицу. Небо совсем уже заволкло тучами. Поднимается пока что лёгкий ветер. Да что же такое с погодой?

Я несусь вперёд, едва не сшибая кустарники, развесившие свои листья прямо на дорожку. Меня почти трясёт от унижения. Почему именно он? Почему?!

Сворачиваю на одну из тропинок, скрытую от чужих глаз. Здесь, прямо в фонтане, живёт несколько рыбок с редким ядом, который лекарь использует в своём ремесле. Я обессиленно опускаюсь на край каменного фонтана и что есть силы впииваюсь пальцами в бортик.

Пусть видит! Пусть Райенгар видит! Почему бы и нет?

У меня было всё: любовь моего народа, семья, золото, драгоценности, дорогие платья. И самое главное – свобода. Теперь у меня нет ничего, кроме обязанностей, которые я, кажется, утащу с собой уже и в могилу. Я не виню его, у каж-

дого свой путь. Но от чего-то обида меня убивает.

Я понимаю, что такова нить судьбы, данная мне Улидаром. И сетовать на неё нет смысла. Но в редкие минуты слабости, мне хочется кричать от несправедливости.

Внезапно луч солнца, каким-то образом пробившейся сквозь тучи, ударяет прямо передо мной в воду фонтана. Я ловлю его рукой, моих губ касается лёгкая улыбка. Надо же...

– Такой я тебя и запомнил, – раздаётся *его* голос позади меня.

Я медленно оборачиваюсь, рассеянно моргая.

– Как ты меня нашёл? – вырывается у меня.

Об этом месте толком никто не знает.

– По запаху, – Рай ухмыляется и делает пару шагов вперёд, теперь он возвышается надо мной.

Не понимаю, он шутит про запах или говорит серьёзно? Хмурюсь, вспоминая – внутри него проснулся ледяной зверь. Теперь мой бывший жених другой. Не тот парень, кого я знала раньше. Да вряд ли сейчас его можно назвать парнем... Настоящий мужчина.

Поднимаю глаза, в обрамлении синих радужек пульсирует драконий зрачок, князь смаргивает его, но взгляда от меня не отводит.

– Я не понимаю, что тебе нужно? – шиплю я раздосадованно, вспоминая своё унижение.

Внезапно ударяет гром, и я вскакиваю с места. Нервы со-

всем сдают.

Райенгар тянется ко мне, будто желая дотронуться, но это-го я отшатываюсь, едва не спотыкаясь о бортик фонтана.

– Я пришёл с вполне определённой целью, Ясмин, – про-износит он медленно, снова делая ко мне шаг.

Я замираю испуганным зверьком, до меня доходит, что мы здесь одни, мне никто не поможет в случае чего. Кто знает, как сильно его изменил дракон? В Сфане нет драконов, а при дворе о личном особо не болтают. Дракон мужа проснулся у него ещё в детстве, так что Альрик такой, каков он есть. У меня совсем нет опыта общения с такими, как князь.

Собираю в кучу всю свою силу воли и расправляю плечи.

– Какой целью, раан Лонхейм? – тренированный на мно-гочисленных королевских приёмах, голос не подводит меня. Он звучит ровно и сухо, с должной прохладой. Я будто раз-говариваю с едва знакомым навязчивым кавалером, предлагающим станцевать с ним очередной вальс.

Но вопреки моей отстранённости, князь широко улыбает-ся. Он протягивает руку, берёт мою ладонь и целует её. Му-чительно медленно. Я в этот момент будто схожу с ума.

– Это непристойно, – я выдёргиваю ладонь, но понимаю, что сделала это поздно. Об этом говорят его сверкнувшие удовольствием глаза.

Дракон запускает руку в карман и достаёт несколько пу-зырьков нужного мне зелья.

– Думаю, тебе было нужно именно это, – протягивает он

мне склянки.

В его жесте и тоне нет насмешки или превосходства. Он просто увидел, что я в беде и решил помочь. Как и раньше.

Я хочу отказаться, моя гордость требует этого. Буквально вопит, что так делать нельзя. Но я запикиваю её куда подальше. Моя гордость выживет, а вот Фелли нет.

Беру склянки и ставлю их на каменный бортик рядом с собой.

– Благодарю тебя, – бурчу я.

Внутри разливается тепло.

– Я заберу тебя с собой в Ньёрдмар, Ясмин, – внезапно говорит он.

Это настолько неожиданно, что я не нахожу ничего другого, кроме как издать нервный смешок. Вижу, что дракон оглаживает мою фигуру голодным взглядом.

– Что? Что ты сказал сейчас, Райенгар? – спрашиваю я, прижимая руку к колотящемуся сердцу.

Но дракону не смешно. Его взгляд становится суровым. От него волнами исходит сила и властность. Когда он смотрит именно таким взглядом, кажется, я застываю в объятьях вечной мерзлоты, и хочется ли мне выбраться...? На мгновение думается, что нет, но затем я встряхиваю головой, отгоняя наваждение. Кудри слегка выбиваются из аккуратной причёски.

– Ты моя, – два простых слова.

Но они выбивают почву у меня из-под ног.

– Я замужем! – напоминаю я. – Два года я живу в Стоунхарде, мой дорогой князь! Меня отдали сюда в качестве трофея. Ты не мог не знать, Рай, не мог не знать, что творится в Сфане! Сколько людей погибло! Отец состарился за буквально пару лет!

Я прикладываю руку к груди, прошедшие события снова встают у меня перед глазами кроваво-алой пеленой. Он не виноват в произошедшем, но он тоже часть этой истории. Был её частью. Он должен был поддерживать меня и защищать!

– Я знаю, что тебе было тяжело, – говорит он. – И мне жаль, я виноват перед тобой.

– Ты здесь, чтобы жениться на Эрнелле! – я вскидываю руку и указываю на дворец, где по моему мнению сейчас находится Её Высочество, жених которой абсолютно наглым образом домогается другой женщины.

– Я решу все проблемы, – он говорит серьёзно, не сводя с меня взгляда. – Но ты должна уехать со мной. Я не отпущу тебя.

Если Элиас узнает об этом разговоре... Даже гнева Альрика я боюсь куда меньше.

– Боги... – я шепчу это вслух, прикладывая ладонь ко лбу. Когда-то я бы отдала всё за эти слова. Но теперь...

– Моего мужу не понравились бы твои слова, Райенгар, – я использую последний аргумент. – Два года я уже замужем за другим!

Он усмехается, будто я сказала что-то глупое. Затем склоняется ко мне ближе, ведёт пальцами по щеке, оставляя жаркий, тягучий след:

– Я же сказал – решу любые проблемы, Ясмин. Сделаю всё, что понадобится, чтобы моя женщина была со мной.

Возмутительно! Пропасть на столько лет, унижительно отвергнув меня, а потом вот так заявиться будто ничего и не было.

– Ты стал... другим, – я не могу подобрать правильного слова. Наверное, его ещё не придумали, чтобы описать те изменения, что с ним произошли.

– Я же вижу, ты здесь несчастлива. Я разузнал кое-что...

Шпионил за мной? Копался в моей жизни?

– Забудь обо мне, Рай, и больше никогда не приближайся ко мне, – предостерегающе говорю я, не скрывая злости. – Иначе нам обоим не сносить головы!

От него пахнет так знакомо и приятно, что кружит голову, словно я пьяна. Отшатываюсь, хватаю зелья и буквально бегом несусь прочь. Только склянки в руках и звенят.

На что он вообще рассчитывает? Что я паду к его ногам и стану преданной собачкой заглядывать в глаза? Даже если бы в меня сегодня ударила молния, помутив рассудок, я бы всё равно не смогла быть с Райенгаром. В Шердании не разводятся. И не идут против воли безумного короля.

По пути я встречаю Мадлен, которая, стоя на пороге лавки, провожает меня подозрительным злым взглядом. Не го-

вора ни слова, устремляюсь подальше, только бы больше не видеть синих глаз ледяного дракона Ньёрдмара.

Глава 5. В которой два хищника сталкиваются лбами

Вечером дома меня встречает ещё один «приятный» сюрприз. Моя свекровь – Мелисса – решила нагрянуть в гости.

Это высокая женщина с тёмными, уже начинающими седеть волосами, тонкими губами и высоко вздёрнутым подбородком. Когда семья Адели ещё занимала видное положение, Мелисса блистала при дворе и занимала довольно выгодное положение. Сейчас же, после того как её мужа казнили, а сын попал в опалу, всё изменилось. Но свекровь не из тех, кто будет это показывать. Она всегда держит лицо.

На Мелиссе черное платье с зелёными вставками и тонна украшений – на каждом пальце по кольцу.

Свекровь прибыл не одна, а с раани Даллен – бывшей почти-невестой моего мужа. Как я знаю, она имела на него виды после смерти первой жены Альрика. И надо сказать, Даллен подходит ему куда больше. Она тихая и скромная в присутствии мужчин, и настоящая гадюка-тихушница в обществе женщин. Стоило ли удивляться, что они сохраняют с Мелиссой чудесные дружеские отношения до сих пор.

Свекровь тут же поднимает густо окрашенные до черноты брови при виде меня.

– Ты решила продать лошадей моего сына? – негодуяще вопрошает она, окидывая меня презрительным взглядом.

В её понимании, я – дикая степная девка из полуварварской страны. Хотя я уверена, что в глубине души свекровь осознаёт благодаря кому семья Адели всё ещё держится на плаву и не прозябает в нищете, но вряд ли признается вслух.

– И вам добрый вечер, раани Адели, – киваю я, обнаруживая гостей в гостиной, затем поворачиваюсь к бывшей невесте мужа: – Раани Даллен.

Чашка чая дымиться перед Мелиссой и её подругой, апирожные с кремом дожидаются своего часа.

– Говорила же – зови меня матушкой! – кривит губы Мелисса, и тут же продолжает яриться: – Конюшня – гордость нашей семьи!

Я едва не закатываю глаза: что ещё остаётся, когда гордиться больше нечем?

– Гордость не поможет нам платить по счетам. К примеру, за ваши наряды, или за загородное поместье, где любит проводить время ваша дочь, – напоминаю я холодно.

Мелисса инстинктивно проводит пальцами по ожерелью, которое стоит столько, что можно было бы оплатить минимум полгода занятий у одного из учителей Фелли.

Только её здесь не хватало. И сразу лезет в то, как я веду семейные расходы. Нет смысла напоминать о том, что ни Мелисса, ни её дочь толком и считать не умеют, хотя их учили в детстве. В памяти осталось лишь как музицировать, под-

бирать наряды и вести себя в обществе. И то с последним у сестры Альрика проблемы.

– Я затем и пришла, – выдаёт Мелисса, поджимая губы. – В этом месяце мне пришла куда меньшая сумма, чем обычно. Только не говори, что всё настолько плохо – не поверю!

– Вы сами заметили, что я продаю лошадей, – я устало выдыхаю и сажусь на софу напротив свекрови и раани Даллен. – Как думаете, это всё просто так?

– Фи, – фыркает мать мужа. – Наверняка, делаешь назло сыночку! Знаю же, что так и норовишь пойти против него! Уж он-то мне всё рассказывает, не сомневайся...

Не сомневаюсь, что обсуждение моей персоны занимает у них очень много времени. Не то чтобы я сильно переживала по этому поводу. Привыкла.

– Не нужно придумывать то, чего нет, – я наливаю себе чашку чая из стоящего на столике пузатого чайника.

– Как же, – щурит глаза свекровь. – Будь это не так, давно бы попросила королеву замолвить за Альрика словечко перед Его Величеством. Наша семья уже достаточно настрадалась, Ясмина!

– Вы сами знаете, что королю никто не указ, – уже в сотый раз поясняю я.

Каждый раз Мелисса думает, будто я просто не желаю, чтобы злключения её семьи заканчивались. По её убеждению, всё в моих руках, просто я недостаточно расторопна. Видела бы она Элиаса сейчас вблизи, общалась бы с ним хоть

раз... может быть тогда бы поняла, почему всё так, как оно есть. А если и изменится, то лишь в худшую сторону.

– Ты красивая молодая девушка, – свекровь проходит по мне оценивающим взглядом. – Могла бы и сама попробовать решить вопрос...

Когда я услышала подобные речи от неё впервые, едва не подавилась – мы тоже сидели вот так друг напротив друга, даже чай пили такой же – альванийский чёрный с кардамоном. Сейчас же я спокойно делаю глоток и ставлю чашку обратно на столик. Раани Даллен сидит тихо, как мышка. Её тоже не смущают разглагольствования подруги. Она лишь безглаголиво морщится, когда видит заляпанный подол моего платья. Пришлось бежать по дождю, когда я оставила Райенгара у фонтана.

– Элиасу нет дела до моих прелестей, Мелисса, – отвечаю я.

Говорят, лет десять назад моя безпринципная свекровь отравила жену своего любовника в надежде, что он женится на ней – несчастной вдове. Но чуда не случилось – мужик её бросил. А слухи всё ещё гуляют по Стоунхарду.

– Я слышала, в столицу приехал князь Лонхейм, – сладким голосом тянет Мелисса, бросая на раани Даллен выразительный взгляд, словно ища поддержки. – Вы были помолвлены, если я не ошибаюсь.

Этот факт известен немногим. Кому какое дело до разорванных помолвок дочерей сфанийского ярла? Отсюда до

моей родины много дней пути... Но свекровь обожает сплетни. Она выяснила всю мою подноготную едва я прибыла в Стоунхард.

– Князь станет мужем Её Высочества, – киваю я, стараясь не выдать эмоций.

Вряд ли нас кто-то видел сегодня с Райенгаром. Разве что Мадлен что-то заподозрила... но я не слышала, чтобы она была дружна с Мелиссой или её подругами. Не тот круг.

– И что же ты даже не переживаешь? – наивно хлопает глазами свекровь, вглядываясь в моё лица, пытаюсь распознать реакцию.

Мелисса только производит впечатление меркантильной дурочки. С ней надо быть настороже.

– Мы с ним едва знакомы, какой смысл мне переживать? – лгу я, не ведая даже бровью. – Вы же знаете, как заключаются такие помолвки.

– Смотри мне... – чеканит она с подозрением. – Ещё опозоришь нашу семью при дворе.

– Опозорю чем? – холодно спрашиваю я, ставя только что взятую чашку на стол с громким дребезжанием.

– Своими томными взглядами, да вздохами по мужчине, который предназначен другой! – бросает неприязненно Мелисса. – Знаю я вас, глупых молодых девиц, небось целыми днями только и вздыхаете о красавцах, которые прибывают ко двору.

Это уже чужие слова, которые свекрови вложил в голову

сын, а она теперь выдаёт в присутствии её стиле.

Я распрямляю спину и останавливаю на Мелиссе полный ледяной ярости взгляд:

– Я старшая фрейлина Её Величества, а не придворная сплетница. У меня слишком много обязанностей и нет времени томно вздыхать по углам и заниматься ерундой. Вы забываетесь.

С самого начала она пыталась меня приструнить. И бесилась, потому что не получалось. И вот сейчас мы снова выходим на привычную нам тропу тихой грызни.

Мелисса вскакивает, её грудь, сдавленная корсажем, опускается и поднимается в такт сбившемуся от злости дыханию:

– Уж не меня ли ты имеешь в виду, паршивка?

Раани Даллен возмущённо икает и тут же тихонько бормочет себе под нос, но ровно так, чтобы слышно было всем:

– Так говорить практически о матери... никакой совести!

На самом деле я говорила ни о Мелиссе, но довольно иронично, что они увидели в описании именно её. Отвечать не слишком хочется, но, если промолчать, свекровь сочтёт это за поражение и ещё больше распоясается.

До предела накалённую обстановку разряжает служанка, которая робко входит в гостиную.

– Раани Адели, вам пришло вот это, – она держит в руках сверток, завернутый в простую невзрачную бумагу.

– Мне? – удивляюсь я.

Скорее мужу. Кто будет слать мне какие-то посылки?

Я встаю, желая взять сверток, но свекровь опережает меня, безцеремонно выхватывая из рук удивлённой служанки вызывающий у неё любопытство предмет.

– И правда, это для тебя, – шурится она, вчитываясь в имя на приложенном к посылке листке. – Сейчас посмотрим, что там...

– Мелисса... матушка, – насмешливо тяну я, наблюдая, как свекровь принимается разрывать бумагу, громко шурша. – Думаете, именно там я прячу от вас деньги?

Беспардонность свекрови удивляет даже служанку, которая бросает на неё осуждающий взгляд, прежде чем удалиться.

Может один из учителей Феллоны прислал книгу для обучения? Сверток прямоугольный, небольшой формы.

Я встаю и подхожу к Мелиссе. Но, к моему удивлению, внутри небольшая коробочка-футляр из белого дерева с искусной резьбой: горы, высокие деревья. Не уверена, что в окрестностях Стоунхарда можно найти что-то подобное.

Внутри разрастается плохое предчувствие.

– Дайте сюда, Мелисса, – командуя я, протягиваю руку.

Но свекровь будто чувствует горяченькое, она отпрыгивает с такой прытью, которую и не ждёшь от почтенной раани её возраста, и рывком открывает футляр, едва не сломав защёлку.

– Ничего себе, – округляются у неё глаза. – Это ещё что такое?

Скромница Даллен встаёт позади Меллисы, вглядываясь в содержимое. Её лицо приобретает алчное выражение.

Я заглядываю и передо мной предстаёт настоящее произведение искусства: ожерелье и серьги из белого золота, неогранённых алмазов и крупных сапфиров. Выглядит настолько изысканно и дорого, что наверняка стоит целок состояние, даже продай я наш особняк, не смогла бы позволить себе такое.

Мне требуется буквально пара секунд, чтобы понять от кого они. Только в Ньёрдмаре есть такие сапфиры...

Как он посмел прислать такой подарок ко мне домой? Это практически оскорбление! Мне страшно представить, что сделает Альрик... Я бросаю взгляд на расплывшуюся в довольной улыбке Даллен. Она-то уж ему расскажет, я уверена.

– Никак у тебя завёлся богатый поклонник, моя милая Ясмина, – противненько улыбается свекровь, проводя пальцем по самому огромному алмазу в центре ожерелья. – А мой сын в курсе?

Я пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица, хотя внутри всё горит от волнения.

– Королева прислала, должно быть, – пожимаю плечами, затем буквально вырываю из рук Мелиссы проклятые украшения. – Не стоит их трогать. Это для приёма, который через неделю... я пожаловалась Её Величеству, что давно не покупала себе украшений, и вот... Я должна буду их вернуть сразу же.

– М-м, – недоверчиво тянет Мелисса. – Что-то непохоже, чтобы королева когда-то была так щедра к тебе... Скорее похоже на подарок мужчины.

– По-вашему любовницам часто дарят настолько шикарные подарки? – выгнув бровь спрашиваю я, внутренне содрагаясь.

После секундного размышления свекровь отрицательно качает головой.

Конечно, я знаю на что давить. После смерти мужа, пока Мелисса ещё была в состоянии, она отчаянно пыталась поправить положение семьи, буквально вешаясь на богатых мужчин. Но такие подарки ей не перепали. А себя она, естественно, считает куда достойней, чем простая девчонка из далёкого Сфана.

– То-то же, – я закрываю футляр, но замечаю по взгляду Даллен, что она мне не поверила, в отличие от свекрови.

Точно наябедничает мужу. Хотя, казалось бы, ей какое дело до нашей семьи? Но я подозреваю, что она даже спит с Альриком иногда, когда у того появляется настроение. Если раньше, едва поняв это, я пришла в ярость и пыталась избавиться от паршивки, сейчас нахожу её положение даже жалким и забавным.

Хотя и сама порой чувствую себя примерно в таких же обстоятельствах, даром, что законная жена.

– Ясмин? – Фелли появляется в дверях в одной ночнушке.
– Ой, бабушка...

У падчерицы плохой вид – круги под глазами, бледное измождённое лицо, сухие, потрескавшиеся губы.

– Какой ужас! – всплескивает руками Мелисса. – Довела ребёнка! Посмотри на неё! Совсем в тень превратилась! Ясмина, ты не смотришь за ней!

– Я заболела, – Феллона опускает глаза на носки домашних туфель.

Её смущает присутствие раани Даллен, которая раньше всегда третировала малышку, пока я не появилась.

– Опять заболела! – свекровь бросается к Фелли и грубо поднимает её подбородок. – Вся в мать! Та была такая же хилая и в итоге померла! Эту ждёт та же участь, помяните моё слово. Зачем встала с постели?

– Я хотела узнать, где Ирис? – спрашивает падчерица, бросая на меня полный волнения взгляд. – Она не вернулась?

– Эта проклятая кошка! – неодобрительно качает головой Мелисса. – Я думала, Альрик наконец избавился от неё...

– Пойдём обратно в комнату, милая, – я подхожу к Феллоне и беру её за горячую маленькую ручку.

Проклятую коробку с украшениями сжимаю в руке и не отпускаю ни на секунду. Что же теперь делать? Нужно как-то вернуть украшения. Райенгар совсем умом тронулся, если думает, что я приму такой дорогой подарок. Возмущение внутри меня набирает обороты, но я стараюсь взять эмоции под контроль. Нужно как следует обдумать, как правильно

донести настырному дракону, что я не желаю становиться... кем он вообще хотел предложить мне стать?

Мы с Фелли поднимаемся наверх, оставляя неожиданных гостей на первом этаже.

– Ирис просто гуляет в лесу, – успокаиваю я падчерицу. – Уверена, она вернётся сегодня ночью или завтра к утру.

– Папа точно не отдал её кому-то? – хмурится Феллона, глядя на меня с подозрением.

– Конечно, нет, – я отвечаю девочке смешливым взглядом.

Мы не успеваем зайти в комнату, как я слышу стук входной двери первого этажа. Альрик вернулся, как всегда с опозданием. У меня нет ни малейшего желания видеть его. Я укладываю Фелли и спускаюсь на первый этаж, обходя го-стиную, откуда слышится смех – муж развлекает мать и рани Даллен.

На первом этаже у меня крошечный кабинет, где есть сейф. Думаю, спрятать украшения туда, пока не узнаю, где остановился в городе князь. Потом решу, как отдать ему. Отнести лично или тоже отправить посылкой. Я склоняюсь к тому, чтобы лично, потому что нужно донести ему – я не девочка, которую можно сначала выбросить на обочину жизни, а потом поманить пальцем.

Едва я закрываю сейф и проворачиваю ключ, Альрик врывается в мой кабинет. Он раскрывает дверь с такой силой, что она стучает о стену, заставляя меня вздрогнуть.

Я оборачиваюсь, сжимая в руке ключ. Уже ожидаю, что он спросит про украшения, но у него на уме другое.

– Тебе кто-то разрешил продавать моих лошадей? – разъярённо спрашивает он, делая ко мне шаг.

Я отступаю за стол, стараясь не показывать охвативших меня эмоций.

– Сам знаешь, что мы в стеснённых обстоятельствах с некоторых пор, – отрезаю я, подмечая, что муж снова пьян.

Сколько можно?! Он уже заявлял, что денег совсем нет, зато на посещение увеселительных заведений всегда находит золото.

– Мне кажется, или ты начала много самовольничать? – муж кладёт на стол руки, сжимая их в кулаки. – Я понял, что настало время научить тебя правильному поведению.

– Правильному поведению? – шиплю я, тоже кладя руки на стол. – Мне надоели твои угрозы! Сколько это будет продолжаться? Посмотри на себя со стороны! Ты осознаёшь, насколько твоё поведение изменилось за последний год? Ты хоть раз подумал о своей дочери?

Муж бьёт кулаком по столу, набирает в грудь побольше воздуха и резко произносит:

– Феллону не трогай, ты ей никто! Я – её отец и дракон, а ты никчёмная приживалка из забытого богами места на краю континента! Ты должна радоваться, что моя семья дала тебе возможность жить в столице, ещё и прислуживать королеве! У тебя есть муж и семья, а могло и не быть. Кому ты такая

нужна?

Я едва подпрыгиваю от возмущения. Чему радоваться? На родине у меня было всё, в том числе и главное – моя настоящая семья, здесь же ничего. Альрик абсолютно точно думает, что я должна быть беспросветно счастлива и удовлетворять каждый его каприз. Ведь он мужчина, ещё и дракон, как он любит повторять.

– Не всем в мужья достаются драконы, – словно вторит моим мыслям муж, глядя на меня свысока. – Так что не делай такое лицо, будто я тебе не мил. Многие хотели бы оказаться на твоём месте.

– Например, раани Даллен? – отмечаю ехидно.

Я не ревную, просто сложно сдержаться, учитывая, что они в соседней комнате вместе со свекровью наверняка подслушивают – муж говорит на повышенных тонах.

– Лучше скажи мне, ты ходила к Его проклятому Величеству? – щурится от света лампы Альрик.

При воспоминании об Элиасе по спине невольно идёт дрожь. Я сжимаю руку, чувствуя, что она всё ещё плохо слушается.

– Ходила, – холодно отвечаю я. – Он велел тебе передать, что никаких поблажек не будет.

Рассказывать мужу о моих злоключениях не имеет никакого смысла. Он ещё и скажет, что сама виновата.

Взгляд Альрика темнеет, он смотрит на меня так зло, будто бы это я отказала ему в прибавке к жалованию.

– Ты была недостаточно любезна, – делает вывод он.

Сложно быть недостаточно любезной с безумным королём, особенно, если хочешь сохранить жизнь. Я иронично изгибаю бровь:

– Думаешь, я бы решилась?

– Думаю, что ты всё испортила, как и всегда.

Я понимаю, что срывать злость Альрик будет на мне. Он обходит стол и рывком хватает меня за запястье, больно сжимая. Дёргает на себя и тащит на выход из кабинета.

Я упираюсь, но против него вряд ли смогу что-то сделать. Как только мы выходим, в арке, ведущей в гостиную, замечаю любопытные лица свекрови и Даллен. Женщины тут же прячутся при виде нас.

– Что ты задумал? – шиплю я, пытаюсь стряхнуть руку мужа.

Он не отвечает и молча волочёт меня к входной двери. Распахивает её и тянет наружу, я едва не спотыкаюсь о порог. Уже почти темно.

Через несколько секунд я понимаю, что мы идём к конюшням. Альрик останавливается напротив распахнутого входа, внутри горит неяркий свет. Он наконец отпускает мою руку и разворачивается ко мне с искажённым от гнева лицом:

– От тебя нет никакого проку! Может хоть конюшни почищишь, а? Ясмина? Может тогда ты полюбишь этих лошадей так же, как я и моя семья. Хотя какой спрос с дикой безродной дикарки. Тебе не понять, что такое быть аристократом.

Он презрительно сплёвывает на землю, слегка покачиваясь.

Отвращение и злость переполняют меня. Как же я ненавижу Альрика! Сколько бы я ни старалась, всё заканчивается одинаково – муж и его семья винит в своих бедах меня. И деться мне от них некуда.

Я потираю руку и делаю шаг назад:

– Ты мой муж, а не хозяин. Не забывайся. Мне надоело это всё терпеть! Лучше подумай, какой пример ты подаёшь дочери. Она всё видит и слышит, Альрик. И ты прав – я ей никто, а вот ты отец. Так будь уже отцом в конце-то концов!

Мои опрометчивые слова переполняют чашу терпения мужа, он в одно мгновение преодолевает расстояние между нами и встряхивает меня.

– Безродная шлюха! – он толкает меня так сильно, что я влетаю в дверь конюшни, больно ударяясь плечом и непроизвольно всхлипывая.

Альрик снова надвигается на меня, я отскакиваю от двери и едва не влетаю в высокий куст. Ими окружён особняк.

Я замираю, тяжело дыша и глядя на мужа с нескрываемой ненавистью.

– Ты почищишь конюшни, – чеканит он, подходя ко мне в упор.

– Нет, – я встречаю его взгляд не моргнув.

Он унижал меня столько времени. Но до служанки я себе не позволю опуститься. Он ведь явно делает это специально,

когда мать и раани Даллен здесь. Хочет сделать из меня по-смешище.

Я замираю, ожидая, что муж ударит меня или по меньшей мере поволочёт снова к конюшням к своим любимым бесполезным лошадям, но вместо этого Альрик замирает, моргает и смотрит мне за спину.

Я резко оборачиваюсь, цепляясь о тонкие ветки. Из густой темноты кустов на меня смотрят два огромных зелёных глаза хищницы. Раздаётся негромкое злое рычание.

– Ирис, – я облегчённо выдыхаю, делаю ещё несколько шагов в сторону, давая ей дорогу.

Огромная дикая кошка выходит из-за кустов. Она скалит зубы, глядя на мужа и становится между мной и Альриком. Я чувствую, как на глазах выступают слёзы облегчения и с благодарностью прижимаюсь к тёплому родному боку моего ноата.

– Убери её, – Альрик не сводит глаз с оскаленной пасти кошки. – Иначе клянусь – вам обоим несдобровать.

Мне страшно, я не знаю, что у него на уме. Рискнёт ли муж обратиться в дракона здесь, рискуя сломать свои любимые конюшни, растоптать сад или ...? «Или» быть не может. Альрик не терпит, когда его ставят на место. Тем более я.

– Уходи, – прошу я мужа, глядя дрожащей рукой шерсть Ирис. Кошка всё ещё негромко рычит, не спуская с противника глаз.

Я точно знаю, что она будет защищать меня до последнего вздоха, если я не прикажу обратного. Но я не могу ставить её под удар. Ноат и его хозяин всегда вместе с рождения, в детстве мне даже казалось, что у нас одна жизнь на двоих. Без Ирис я совсем зачахну.

Альрик недобро усмехается, драконий зрачок в его взгляде не сулит нам ничего хорошего.

– Нужно бежать, – я тяну за собой ноата, делая шаг назад, но упираюсь всё в те же злополучные кусты.

Он же просто псих! Ненормальный!

Я вижу, как напрягаются жилы на шее мужа, как идёт чешуя по его щекам. Сердце стучит отбойным молотком, страх разливается внутри.

Но проходит несколько секунд и... ничего. Я вижу растерянность на лице Альрика, которая тут же сменяется гневом.

– Да ты просто слишком пьян! – я нервно хихикаю и тут же зажимаю рот ладонью.

Леда-заступница! Я слышала, что если основательно набраться, то можно временно потерять способность контролировать дракона, но не думала, что мне доведётся увидеть это вживую.

– Соберёшь своё шмотье и завтра же с Феллоной свалишь в поместье! – рычит Альрик, старательно делая вид, что ничего не произошло. Но я вижу, что его буквально трясёт от злости и бессилия. – Будете жить там до следующей весны!

Чтобы ноги вашей не было в Стоунхарде!

Он разворачивается и позорно удаляется, оставляя меня с кошкой вдвоём.

Я смотрю, как уходит муж, спотыкаясь о камень, лежащий в траве. И испытываю презрение и даже некоторую жалость. Во что он себя превратил? Он не дракон, а лишь жалкое его подобие.

Ирис разворачивается и успокаивающе облизывает мою щёку огромным шершавым языком. Я понимаю, что меня трясёт от пережитого. Прижимаюсь к кошачьей морде и шепчу:

Боги! Что же теперь будет?

Глава 6. В которой всё катится в пропасть

Карета бодро подпрыгивает на кочках и дорожных ухабах. Как только выезжаешь за пределы Стоухарда, дороги оставляют желать лучшего.

Всю ночь я не спала и думала, как же нам быть с Фелли? Мысль о том, что сейчас самое время сбежать не покидает меня. Но сколько раз за последние два года я уже обдумывала это, и каждый раз понимала: где бы я ни оказалась меня найдут.

Если не Альрик, то Его Величество Элиас Великолепный. Он не любит, когда ломают то, что он так любовно выстраивал. А наша с Альриком жизнь результат его влияния и прихоти.

– Милая, ты будешь скучать по папе? – натягиваю улыбку я, обращаясь к падчерице.

Рука Феллоны замирает. Она прекращает перебирать мягкую шерсть Ирис, которая в ипостаси обычной кошки развалилась у девочки на коленях.

– Наверное, буду, – бормочет Фелли. – Мы ведь теперь долго не увидимся, да?

Конечно, она любит Альрика. Что бы он ни делал, Феллона хочет ему нравится. Она убеждена, что сама виновата в

том, что творит мой муж и её отец.

Имею ли я право отбирать её у отца, пусть даже такого ужасного, как Альрик? Ведь он прав. Я ей никто.

— Какое-то время мы не увидимся с папой, — я протягиваю руку и сжимаю маленькую ладонь. — Он как раз успеет соскучиться.

Фелли вяло улыбается в ответ, она всё ещё плохо себя чувствует, ей сейчас нельзя в дорогу, но разве мужу было до этого дело? Наши вещи собрали за полчаса под бдительным взглядом Альрика и полными тайного злорадства взглядами свекрови и бывшей невесты моего мужа.

Драгоценности, подаренные моим бывшим женихом, так и остались у меня. Они стоят целое состояние. А что если продать их и попытаться найти на эти деньги надёжное убежище? Мысль свербит внутри, не давая мне покоя.

Это безумный риск. Я не могу вот так просто принять решение, нужно учесть все обстоятельства. В том числе те, что королева будет спрашивать, где я. И Альрик уже не сможет солгать, что я болею, ему просто не поверят. Безумный король тоже может потребовать вернуть меня в столицу, если до него дойдут слухи, что старшей фрейлины нет при дворе. А вдруг к тому времени я уже сбегу? Что будет тогда?

Нет. Я не могу.

Я тяжело вздыхаю и хмурюсь, сплетая пальцы друг с другом.

— Не нервничай, — Ирис приоткрывает один глаз и бросает

на меня внимательный взгляд, а затем ехидно добавляет: – А то морщины появятся и станешь некрасивой.

– Было бы мне для кого быть красивой, – парирую я,

– А вдруг там по соседству будут симпатичные помещики...

– Ирис! – одёргиваю я ноата, бросая на Фелли осторожный взгляд. Но падчерица, кажется, не особо понимает в каком контексте обсуждаются будущие соседи.

По мнению кошки, я уже должна была найти богатого покровителя при дворе, наставить Альрику рога и жить припеваючи, как некоторые другие благородные женщины, попавшие в стеснённые обстоятельства.

Когда вечереет и солнце опускается всё ниже, мы уже едва можем спокойно сидеть. Особенно Фелли.

– Ну скоро мы приедем на постоянный двор, Ясмин? – спрашивает падчерица, ёрзая на сиденье.

– Ещё немного, милая, – отвечаю я, сама чувствуя, как хочется скорее принять горячую ванну и лечь в постель.

Я высовываю голову, чтобы спросить у кучера сколько нам ещё осталось, но слова замирают на моих губах. Я слышу странный шум, оборачиваюсь назад и вижу, что за нами едут галопом несколько человек на крепких лошадях. Чужаки вызывают смутное чувство тревоги. Куда они спешат?

Мы здесь одни на проселочной дороге. С нами всего лишь кучер и слуга, который должен нас якобы охранять, но на-

верняка даже не взял с собой оружия. Альрик не подумал о нашей безопасности, а ведь всякое может случиться.

Ржание коней слышится всё ближе.

– О, постоялый двор! – радостно восклицает Фелли, отодвигая небольшую занавеску в окне экипажа и уже собираясь высунуть голову наружу, чтобы увидеть место отдыха.

– Нет, Феллона, подожди! – я успеваю остановить её, закрывая обратно занавеску. – Там какие-то люди, это их лошади, а не постоялый двор. Лучше нам не привлекать внимание.

Падчерица испуганно замирает, бросая на Ирис обеспокоенный взгляд.

Я сглатываю, чувствуя, что они всё ближе. Вот-вот нагонят.

Может, это просто путники? От чего я так нервничаю и переживаю?

– Бандиты? – шурится кошка, привставая на сиденье напротив.

– Одеты прилично, – отрицательно качая головой я.

– Чего тогда разволновалась? Наверное, спешат отдохнуть, так же, как и мы.

Я передёргиваю плечами. Дурное предчувствие не отпускает.

В этот момент первый из всадников обгоняет экипаж, его тень проносится мимо, мелькая за занавеской.

Я вцепляюсь пальцами в ткань платья, нервно теребя кру-

жева.

Проносится ещё один всадник.

– Эй, тормози, – доносится до нас грубый бас. – Придержи лошадей, друг, есть разговор.

Наш кучер что-то отвечает. Не могу разобрать.

Мимо проносится ещё одна тень.

Карета сбавляет скорость. Мы с Феллоной переглядываемся.

– Ямин, что это за люди? – тонким голосом спрашивает падчерица, моя нервозность передаётся и ей. – Это папины друзья? Мы что-то забыли, и папа отправил их отдать нам это?

– Боюсь, что нет, милая, – я набираюсь смелости и высываюсь в окно.

Карета едет медленно, впереди стоят две лошади, преграждая дорогу.

– Раани Адели, спрячьтесь, и не показывайтесь, умоляю вас, – слуга, сидящий рядом с кучером на козлах, поворачивается ко мне. Его лицо совсем бледное, а губы сжаты в тонкую ниточку.

Я уже собираюсь последовать его совету, но вижу, что прямо на меня смотрит всадник. Высокий крупный мужчина с бородой и шрамом на лбу. Тут же поспешно скрываюсь в экипаже, задёргивая занавеску.

– Сколько их? – обеспокоено спрашивает Ирис.

Мимо проносится ещё одна тень. Остальные скачут поза-

ди экипажа. Они нас окружают?

– Восемь? – выдвигаю предположение я.

– Когда остановимся, выпусти меня, а сами запритесь, – говорит кошка, шерсть на её загривке вздыбливается.

– Их слишком много, не знаю есть ли у них оружие, я не разглядела, – отвечаю я, чувствуя, как нарастает тревога. – Сначала я поговорю с ними сама. Попытаюсь всё уладить.

Что им может быть нужно? Золото? У меня с собой нет ничего ценного, кроме украшений, подаренных Райенгаром. А наш экипаж не выглядит настолько богатым, чтобы его решились грабить прилично одетые люди. Хотя что я понимаю в бандитах?

– Стой! Кому говорят! Иначе всажу арбалетный болт тебе в лоб! – в голосе, который до нас доносится нетерпение и злость.

По коже идёт дрожь, я бросаю взгляд на притихшую, сжавшуюся в комочек Феллону. Я слышу свист болта и ржание лошади, экипаж тормозит так резко, что нас бросает друг на друга.

– Иди сюда, Фелли. Полезай под сиденье, – я принимаюсь быстро вытаскивать чемоданы, освобождая место. – Скорее же! И чтобы ты не услышала – ни высовывайся! Поняла меня?

– Это экипаж старшей фрейлины Её Величества! – слышу я приглушённый голос кучера. – Как вы смеете стрелять в мою лошадь и задерживать нас таким беспардонным и наг-

лым образом?

– Ясмин! Мне страшно! – губы малышки начинают дрожать.

Обычно она стойко переносит невзгоды, но сейчас паника захлестывает нас обеих. Сердце стучит, как бешенное, руки дрожат.

– Не советую трогать оружие, – доносится до нас грубый бас. – Иначе пожалеешь. Голос незнакомца сочтется угрозой.

– Скорее, Фелли! – командуя я. – И тс-с! Тихо!

– Выпусти меня! – Ирис принимается лапой открывать дверцу, но защёлка плохо поддаётся.

Я не понимаю, что мне делать. Я не хочу выпускать Ирис – противников слишком много. И Феллона... Что они могут сделать с ребёнком?

– Ясми-ин! – тянет падчерица, упираясь и не желая слушаться. – Я не могу бросить тебя! Ты должна спрятаться со мной.

Внезапно раздаётся ругань, а затем глухой удар. Экипаж слегка качает. Я обмираю, понимая, что кто-то упал с козел.

– Феллона! – я хватаю падчерицу за плечи и смотрю в заплаканные, наполненные ужасом глаза. – Делай, что я тебе говорю, иначе может случится что-то плохое. Верь мне.

Снаружи слышится возня, а затем всё затихает.

Девочка кивает, вытирая нос ладошкой, наклоняется и лезет под сиденье. Я быстро засовываю её юбки так, чтобы снаружи не было видно и прикрываю тканью, свисающей с си-

дня. Едва я успеваю распрямиться, как кто-то отодвигает оконную занавеску.

– Добрый вечер, раани, – улыбается щербатой улыбкой здоровяк с бородой.

– Что вам нужно? – отвечаю я, чувствуя, как предательски дрожит голос.

Улыбка бородатого становится ещё шире:

– Выбирайтесь из экипажа, фрейлина.

Ирис прыгает ко мне на колени и мяукает, изображая обычную кошку. Я тут же прижимаю её к себе, чтобы не сделала глупостей. Уж я-то её знаю. Вцепится в рожу одному из бандитов, а что потом?

– Я не выйду, пока не скажете, что вам нужно, – отрезаю я. – Денег у нас нет.

Здоровяк становится серьёзным, он кидает взгляд куда-то вбок. Должно быть переглядывается с подельниками. Меня пугает, что я не слышу ни слугу, ни кучера.

Внезапно бородач отходит от окна, худосочный бледный мужчина с рыбьими глазами становится на его место.

– Раани, – по-издевательски тянет он. – У меня приказ доставить вас в оговоренное место. Пойдёте сама, или мне тащить вас силком?

Что-то в его взгляде сквозит неприятное. Почти жуткое. Мы даже не знакомы, но я кожей чувствую, что не нравлюсь ему.

– Кто вам приказал? – пересохшими губами спрашиваю я.

Мозг лихорадочно работает. Семья Адели решила от меня избавиться? Райенгар... нет, это не его методы, он пришёл бы сам. Они не просто бандиты, они вышколенные наёмники. Услуги таких стоят дорого... но кто же заплатил?

Тонкие пальцы рыбоглазого с грязными ногтями ложатся на прорезь окошка и стискивают прочное дерево.

– Кто приказал не вашего ума дело, благороднейшая.

Я чувствую, как внизу, под сиденьем дёргается Фелли, как напрягается Ирис. Они тоже ощущают угрозу.

– Отойдите, – приказываю я, бросая на наёмника ледяной взгляд. – Не могу же я открыть дверцу, пока вы тут стоите.

Рыбоглазый отходит и презрительно сплёвывает на землю, но взгляда с меня не сводит.

Я начинаю жалеть, что на мне платье с вырезом. Да, скромным, но всё-таки... Неизвестно, должна я прибыть в то «оговорённое место» целая, или слегка потрёпанная.

Выбираюсь из экипажа, юбки подметают дорожную пыль, и тут же бросаю взгляд на то место, где были кучер и слуга. Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не вскрикнуть и не впасть в панику.

В вечерней полутьме вижу, что слуга лежит на земле, прямо у экипажа, в его груди арбалетный болт, а возле руки маленький кинжал. Всё-таки у него было оружие... и, к сожалению, он попробовал им воспользоваться. Кучера не вижу, но думаю, с ним тоже самое.

– Они пытались сопротивляться, раани, – будто бы оправ-

дывается борадач.

– Поэтому лучше этого не делать, – многозначительно добавляет рыбоглазый, а затем он резко отстраняет меня с прохода с такой силой, что не упасть мне помогает лишь дверца экипажа, на которой я буквально повисаю.

Едва оборачиваюсь, как тут же слышу рычание Ирис, которая уже тихонько выбралась наружу. А затем тишина. Почему она не обращается? Рыбоглазый закрывает мне обзор на несколько секунд, я подаюсь вперёд и вижу лежащее на земле кошачье тельце.

Не помня себя от ужаса, я вцепляюсь в серый дорожный сюртук рыбоглазого с воинственным криком, пытаюсь оттащить его Ирис, но меня тут же хватают чьи-то руки. Борадач держит крепко, от него пахнет жареным мясом и табаком. Я взываю, наступая ему на ноги.

– Что ты творишь, проклятый урод? – кричу я, буквально захлёбываясь.

– Ясмин! Ясмин! – раздаётся из экипажа голос Феллоны.

– Так-так, кто там у нас? – нарочито медленно рыбоглазый идёт к экипажу.

Оттуда показывается взволнованное, заплаканное личико Фелли. Она видит Ирис и тут же бросается к ней, но её перехватывает рыбоглазый. Он держит девочку за плечи, она тут же затихает, бросая на меня полный отчаяния взгляд.

Внезапно Ирис двигает лапкой, а затем приподнимается. Она тяжело дышит, на её мордочке какая-то чёрная пыль.

– Ноаты, – безглаголиво качает головой предводитель бандитов.

Кошка открывает рот, она хочет что-то сказать, но изо рта вырывается лишь обычное «мяу».

– Что ты с ней сделал? – яростно спрашиваю я. – Ирис! Ирис!

– Мя-я-яу! – протяжно кричит кошка, она встаёт и хочет броситься на обидчика, но лапы не держут, и она снова заваливается на бок.

Я принимаюсь биться в удерживающих меня руках. Феллона изворачивается и хочет укунить рыбоглазого за руку, но он лишь крепче перехватывает падчерицу.

– Всего лишь пыль, сковывающая магию, – небрежно хмыкает бандит.

Кто-то предупредил его об Ирис. Поэтому он был готов...

– Бабу на моего коня, кошку пусть кто-нибудь засунет в клетку, – командует рыбоглазый. – Про девчонку уговора не было, поэтому от неё избавиться. Нам лишние свидетели не нужны.

Тут же кто-то хватает едва пришедшую в себя Ирис и пихает в заранее заготовленную деревянную клетушку.

– Послушайте, – я пытаюсь привлечь внимание главаря. – Как вас зовут?

Рыбоглазый шурится, кривится, но отвечает:

– Зови меня Фирно.

Я сглатываю. В конце концов с кем я только не имела дел

при дворе. Но я всегда умела убеждать, могла найти подход к любому. Даже самому закоренелому пройдохе или чёрствому придворному из свиты безумного короля.

— Наар Фирно, — я пытаюсь придать голосу мягкость и покорность, хотя внутри всё горит лютой ненавистью. — Понимаю, вы выполняете свою работу. Мы с моими спутниками абсолютно безобидны. Всего лишь женщина, девочка и кошка.

На «кошке» Фирно хмыкает.

— Уверена, вы добропорядочный человек и не обидите ребёнка. Я могу заплатить вам. У меня есть драгоценности.

Я рискую. Он может просто отобрать всё, и не послушать меня. Но раз передо мной бандиты не самой последней масти, судя по одежде и оружию из добротной, хорошей стали, то есть шанс, что у них хватит ума и сострадания не избавляться от Феллоны.

— Драгоценности — это интересно, — раздаётся бас бородача за моей спиной, его руки держат меня уже не так крепко. — Да и зачем губить юную душу. Нам несколько часов езды... сдадим всех троих, да и будем таковы. С бонусом в виде драгоценностей.

Я понимаю, что бородач на моей стороне. Кажется, он настроен, чтобы всё кончилось мирно. Но рыбоглазого так просто не переубедить.

В его взгляде я читаю весь спектр эмоций. Он думает, я счастливая и богатая раани прямиком из королевского двор-

ца. Пока они здесь вынуждены биться за каждую серебришку, я купаюсь в роскоши и вседозволенности... но ведь это не так.

– Не обессудьте, фрейлина. Мне не велено трогать ваши вещи, – ухмыляется Фирно.

– Это не совсем мои вещи, – поспешно поясняю. – Я бедна, как мышь при храме самых низших богов, наар Фирно. Но недавно мне сделали дорогой подарок. Никто не знает, что эта вещь у меня, кроме дарителя. А он покинул не только Стоунхард, но и золотые земли Шердании. Клянусь, я никому не скажу, что вы взяли драгоценности. Они стоят дороже, чем особняк в центре столицы.

Я говорю полуправду, надеясь, сыграть на алчности наёмника.

Он прикусывает сухую губу и задумчиво жуёт её.

– Пусти её, давай поглядим на эти цацки, – командует он бородачу.

Руки отпускают меня, я степенным шагом начинаю двигаться к экипажу, не показывая насколько сильно нервничаю. Вдруг они мне не поверят, что нъёрдамардские украшения стоят так дорого? Вдруг решат, что это просто побрякушки, и что даже конь нынче стоит куда больше?

Я с явным усилием достаю чемодан, открываю его, нащупываю потайной кармашек и извлекаю драгоценности. Они блестят даже в вечерней полумгле. На секунду я останавливаю на сапфирах замороженный взгляд. В них будто играют

сотни оттенков снегов Штормхелла – столицы Ньёрдмара.

– Давай уже сюда, фрейлина, – рыбоглазый продолжает одной рукой удерживать бледную, дрожащую Фелли, а вторую ладонь жадно протягивает ко мне.

Скрывая отвращение, я отдаю наёмнику подарок бывшего жениха. Пусть подавится! Жизнь Фелли стоит тысячи таких камней!

Фирно грубо толкает девочку ко мне, а сам принимается разглядывать камни. Вокруг него собираются ещё несколько человек, он отмахивается от них.

Я прижимаю к себе падчерицу, надеясь, что главаря наёмников удовлетворит «подарок». Осторожно бросаю взгляд на клетку с Ирис. Она уже встала и смотрит на меня полными боли и недоумения глазами. Я едва заметно мотаю головой, давая ей понять, что пока мы не в силах ничего изменить. Нужно ждать. Может быть, магическая пыль развеется?

– Сойдёт, – громогласно заявляет Фирно. – Я принимаю твою плату, фрейлина.

Я едва заметно выдыхаю, опуская плечи. Феллона всхлипывает не сводя глаз с Ирис.

Рыбоглазый засовывает драгоценности во внутренний карман, а затем кивает мне на своего коня.

– Полежай, раани, быстро.

Боги! Леда защити нас! Мне придётся ехать на одной лошади с этим отвратительным человеком. Ладно... я-то перенесу.

– А девочка и мой ноат? – упрямо спрашиваю, не двигаясь с места.

Фирно снова кривится, но затем всё-таки зыркает на своих подельников:

– Девчонку и кота забрать. Экипаж снять с дороги и сбросить в пропасть. От тел избавиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.